

Ольга Коротаева

ПЛАНЕЦ СТИХИИ

ИДДК

Ольга Ивановна Коротаева

Танец стихий

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58107419

Танец стихий: ИДДК; 2020

Аннотация

«Танец стихий» – фантастический роман Ольги Коротаевой, жанр любовное фэнтези, попаданцы. Вы когда-нибудь спасали мир? И не вздумайте! Свое «долго и счастливо» я не получила. Мое сердце осталось там, рядом с синезожим анахом, а каждый день в родном мире – невыносимая пытка. Одна надежда, что Хранителям снова понадобится моя помощь. И пусть я об этом пожалею, но ради встречи с любимым готова на все.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	53
Глава 4	71
Глава 5	93
Глава 6	104
Глава 7	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Ольга Коротаяева

Танец стихий

© Коротаяева Ольга

© ИДДК

Глава 1

Сегодня проводили показательное выступление для новичков. День открытых дверей всегда суетливый и энергоемкий, а если еще и совмещенный с тренировкой, то мы практически выползали из зала. Леля, учитель восточного танца, никогда нас не щадила. Правда, в отличие от многих, и сама ни минуты не сидела во время занятия.

И вот теперь девочки, привычно взмыленные, с бешеной скоростью пытались привести себя в порядок, дабы не выступать перед зрителями в таком виде, будто только что пробежали марафон. До выступления оставалось не более полчаса. А что делать? Аренда помещения немалая и приходится экономить время, да и деньги заодно.

Тело потихоньку охватывало привычное ощущение легкого мандража: сколько ни выступишь, а волнение всегда будет щекотать нервы. Остывающие мышцы упорно не хотели быстро двигаться, а непослушная застежка уже в третий раз выскальзывала у меня из рук. Ольга, уже переодевшаяся и поправляющая макияж, сжалась над моими потугами:

– Давай помогу, чего мучаешься... Вот ведь какая тугая, зараза!

Я расслабилась, предоставив теперь попыхтеть подруге. Ожерелье было новым и застегивалось с большим трудом. Тут же спохватилась, ведь времени остается все меньше, и

принялась надевать многочисленные браслеты. Вздох облегчения за моей спиной возвестил, что подруге все-таки удалось справиться с китайской бижутерией. Подправить лицо я уже не успевала. Ну и пусть с ним. Авось зрители прикинут, так ли легко все это дается.

– Быстрее, быстрее! – поторапливала Леля. – Зал заполнен, и Наталья вот-вот вас объявит.

Значит, разговоры и вопросы уже исчерпали себя, и теперь люди просили зрелищ. Наша группа легкой сиреневой стайкой впорхнула в ярко освещенный зал, где сразу попала под перекрестный обстрел взглядов множества дам различных возрастов и комплекций. Заиграла музыка, заполняя огромное полупустое помещение и рассеивая отголоски по пустым коридорам.

Искрясь улыбками, мы приступили к несложному танцу, вся прелесть которого заключалась именно в рисунке. Девочки менялись, переходя из одной фигуры в другую. После нескольких секунд страха перед зрителями, который испытывали абсолютно все, танцовщицы расслабились и задвигались свободнее и мягче. Так всегда бывает. У нас, по крайней мере. Увлекаешься самим процессом и перестаешь думать о возможных проколах и страхе опозориться. Заключительное па, и зал взорвался аплодисментами.

Танцовщицы, сияя, как новые монисто, змейкой потекли к выходу. Посмеиваясь и делясь впечатлениями, мы влетели в костюмерную. Я на ходу снимала украшения. Будет другой

танец, другой костюм и другая бижутерия. Привычно быстро переодевшись, девочки выстроились по двое у входной двери.

Объявления не было, видимо, у зрителей возникли какие-то вопросы. Я, посмеиваясь, оглядывала подруг. В этих костюмах мы напоминали цыганок... и одновременно новогодние елки. Ольга поймала мой взгляд и тоже усмехнулась, выразительно оглядев меня с головы до ног. Ну еще бы! Мы так часто это обсуждали, и я не строила иллюзий, что выгляжу лучше остальных. Музыка стряхнула с наших лиц ехидные ухмылки. Я нацепила привычную «обворожительную» улыбку в тридцать два зуба. Вблизи страшно, но зато изда-лека видно.

И еще один танец, а потом еще два после утомительных переодеваний. Затем я медленно доплелась до маленькой комнатки, где молча переделалась в повседневную одежду. Руки слегка онемели от непомерной нагрузки, а ноги уже подкашивались. Но хорошее настроение щекотало нервы пузырьками шампанского.

Стоило выйти из костюмерной, как мы попали в объятия стайки молоденьких девушек, жаждущих что-то узнать у нас лично. За их спинами маячила донельзя довольная хитрюга Леля. Ольга и Мария, помогающие ей тренировать новичков, мрачнели все больше по мере увеличения вокруг нас восторженных глаз. И, как всегда, я порадовалась, что когда-то успешно отмазалась от этой повинности. Вроде мы все-таки

прорвались без жертв...

Я возвращалась с тренировки, лениво передвигая ногами в сторону родного дома. Правое плечо оттягивала сумка с костюмами, а по левому бедру в такт шагам стучал проигрыватель. Все тело наполняла приятная усталость. На душе было легко и спокойно. Привычное состояние после хорошей тренировки.

В танце я всегда выкладываюсь полностью, ощущая, будто лечу и могу окинуть взглядом весь мир. Я улыбнулась, раскинула руки в стороны, запрокинула голову так, чтобы видеть лишь только небо, и побежала, стараясь создать ощущение полета. Словно были только звезды и я. Очень люблю загадочные, невероятно далекие звезды, рассыпанные по небосводу, как качественные чешские стразы по бархату цвета индиго. Они притягивают меня, манят несбыточным, зовут к мечте, отрывают от земли...

Да, наверное, правильно мама твердила, что надо хоть иногда и под ноги смотреть. Эта немудреная истина яркой вспышкой озарила мою бедовую голову во время краткого полета. Только не в звездное небо, а на грешную землю. Раздались смешки. Думаю, прохожие получили море удовольствия от моего пируэта. Я зажмурилась, не желая видеть их глаз, и молилась, чтобы никто ко мне не подошел. Но больше не было ни смеха, ни предложений помощи.

Я вздрогнула и схватилась за плеер. Если я его разгрохала, то мы на долгое время останемся без музыки и будем в тан-

це прихлопывать в такт ладошками, изображая детский ансамбль. Или стырим деревянные ложки у соседей-народников. Я хмыкнула, представив себе эту колоритную картинку: танец живота с деревянными ложками. Хихикнув, я попыталась подняться и неожиданно почувствовала тревогу. Что-то было не так.

Меня окружала *тишина*. Жизнь в городе довольно шумная штука, да и в деревне никогда не бывает особенно тихо. А эта *тишина* настораживала, причем я отлично слышала шорох своей одежды, когда поднималась с земли. А вокруг стояла такая тишина, будто меня окружал кокон, старательно поглощающий все звуки.

По шее поползли мурашки. Меня окружал не свет фонаря, как я думала, а нечто иное. Я осмотрелась в странном световом шаре, за границами которого колыхалась лишь тьма, наполненная пугающей тишиной. Я продолжала стоять на чем-то невидимом, но какой-либо зримой опоры под ногами не было. Волна страха медленно поднялась по моему телу, оставляя за собой холодный липкий пот. Казалось, что стук моего сердца слышен во тьме и эхо раздается на всю вселенную.

– Тихо, без паники! – сказала я себе, и, как всегда, звук собственного голоса немного успокоил. Всегда приятно поговорить с хорошим человеком! – Этому наверняка есть какое-нибудь логичное объяснение. Если у меня поехала крыша, то остается надеяться, что меня скоро вылечат! К тому

же здесь нет туннеля, свет собран исключительно вокруг, а не маячит где-то впереди. Значит, это не смерть. И вообще, возможно, что темнота вокруг просто оптический обман зрения. Может, посмотреть, что там, за его пределами?

Я подумала, решив, что мой голос дело говорит, зажмурилась и сделала шаг. В тот же миг меня окружили звуки, в лицо ударил колючий ветер, а под ногами хрустнула пожухлая трава. Волоски на руках встали дыбом. Холодно-то как! Вроде лето, но температура явно не выше десяти градусов.

Я быстро обернулась, но на том месте, где я только что стояла, никакого света не было и в помине. Меня снова со всех сторон окружала темнота. Но это уже другая, привычная ночная темнота, и ничего устрашающего в ней не было. Глаза постепенно привыкли, и я увидела себя посреди густого леса! Под ногами обнаружилась лысая тропинка, причем довольно утоптанная. Тропка виляла пьяными зигзагами и стыдливо скрывалась среди округлых кустов. Деревья над головой хитро перешептывались с ветром и вместе они с энтузиазмом засыпали меня высохшими листьями. Казалось, что все вокруг живое, и я ощущаю на себе пристальные взгляды. Ничего не понимаю!

Ноги сделали шаг, другой, я быстро побежала по тропинке, подгоняемая ветром, и уже на ходу подумала, что это неплохая идея. Не выберусь, так согреюсь!

Минут через десять спринтерского бега я увидела впереди мелькающий светлячок. Надежда подхлестнула меня, и я по-

бежала еще быстрее. Когда мелькающая точка света обрела формы фонарика, лес вдруг неожиданно кончился, и я очутилась в населенном пункте. То, что пункт явно населенный, я поняла потому, что столкнулась с представителем местного населения лоб в лоб. Судя по тому, как нас отбросило друг от друга, пресловутая частица общества направлялась в мою сторону тоже с нехилой скоростью.

Пересиливая дурноту и звон в ушах, я попыталась сфокусировать взгляд на объекте столкновения. Тот тоже усиленно крутил головой и длинные волосы его разлетались как в рекламе известного шампуня, из чего я сделала вывод, что объект, скорее всего, женского пола. А потом присовокупила щедедушность тела, какой-то балахон вместо одежды и окончательно утвердилась в результативности своего дедуктивного метода.

Скажем прямо, Шерлоком мне не быть! Когда я подползла поближе, дабы извиниться, худенький мальчик с удивительно плоским носиком пытался собрать тонкие волосы в хвост. А балахон оказался широкой рубашкой, видимо, с отцовского плеча. Увидев меня, он пораженно замер.

– Ты как, не сильно ушибся?.. – начала было я.

Парнишка открыл рот и закричал. Я опешила:

– Ты чего орешь?!

Он замолчал так резко, будто выключили звук. Наконец он промолвил дрожащими губами:

– Ты кто?

Писк вместо голоса опять вверг меня в сомнение насчет пола ребенка.

– Меня зовут Мелайна, можно просто Мел. А ты кто? – растерянно проговорила я.

– Я Рови, сын кавая¹. А ты кто и откуда? Ты очень странная. И на тебе смешная одежда.

Похоже, мальчишка быстро пришел в себя, любопытство в его взгляде росло и крепло. Я внимательно оглядела себя: после таких-то приключений немудрено и забыть, во что одет. Блин, на дорогушем адидасовском трико дырка на колене, а оранжевый топ в пятнах. Зато черные кроссовки с оранжевыми полосами были целехоньки и прекрасно подходили для бега по пересеченной местности, в чем я только что убедилась. Хотя мальчишка прав: одета я совсем не по погоде. Я поежилась от сырого ветра.

– Рови, – сказала я, – я так сильно ударилась, что забыла, кто я и куда шла. Подскажи-ка, милый ребенок, что это за место.

– Это наше село Кряжны. Мой отец здесь кавай, а я бежал к ведунье нашей новой, у нас мамка чой-то приболела. Хочешь, пошли вместе, может, она и тебе поможет с памятью-то?

Рови оказался словоохотливым и легким в общении мальчиком. Я нарочно пропустила мимо ушей незнакомое слово, уцепившись за другое, хоть и неприятное, но понятное на-

¹ Кавай – мелкий помещик.

звание.

– Спасибо, но я лучше сразу к твоему отцу обращусь с просьбой о помощи. Подскажи-ка дорогу, – осторожно попросила я.

После многочисленных статей про сглазы и порчу к ведьмам я относилась очень настороженно, стараясь избегать модного на сегодняшний день общества различных знахарок.

Рови мне подробно, даже слишком, объяснил, где находится дом кавайя, а потом, минут через десять после описания всех окрестных домов, мимо которых мне предстояло пройти, сказал с гордостью в голосе:

– Ты точно не ошибешься, это единственный каменный дом в селе!

Я изобразила на своем лице смирение и поблагодарила высшие силы, что мне не пришлось выслушивать, через сколько коров я должна повернуть направо!

Мы распрощались, и мальчик припустил по тропке в лес абсолютно без страха, словно всегда тут бегает, причем исключительно по ночам. Хотя, возможно так оно и было. А я, поправив на плече тяжеленную от сценических костюмов сумку, быстро двинулась в сторону тускло светящихся окошек.

Даже в исключительной темноте найти дом каваяя, что бы это ни значило, оказалось легче легкого. Хотя этот особняк язык не поворачивался обозвать домом. Он, словно замок, возвышался среди притулившихся вокруг него кривобоких избышек. Я изумленно присмотрелась к последним: да, кажется, они действительно сделаны из глины! И были более похожи на первые горшки криворукого керамиста, впервые засевавшего за гончарный круг. Без углов, с тяжелыми наплывами вокруг прорубленных малюсеньких окошек и соломенным настилом вместо крыши.

Я растерянно моргнула и перевела взгляд на сам особняк. В отличие от гигантских горшков дом был аккуратно сложен из камней, плоская крыша скрывалась за каменными перилами наверху: видимо, она служила балконом, либо прогулочной площадкой. Окна в человеческий рост и широкий подъезд внушали уважение. Я прошла в настежь распахнутые ворота и направилась к добротной деревянной двери. Но стоило мне только потянуться к изогнутой кованой ручке, как дверь резко распахнулась и в светлом проеме показалась улыбка. Потом вышло и все остальное, но маленький человек казался бесплатным приложением к своей потрясающей улыбке.

– Проходи, уважаемая ведунья, мы уже тебя совсем зажда-

лись! Ровку только за смертью посылать! Где же этот негодник? – Он посмотрел за мою спину, не заметив мальчишку, махнул рукой и опять расплылся в улыбке «мечта дантиста»: – Да ты проходи, не стой на пороге! Хотя и ведьма, но негоже так легко одеваться, ночи сейчас уже не такие теплые, как в ревень².

Я воспользовалась любезным предложением и прошла внутрь вслед за улыбчивым человеком, по пути пытаюсь заодно прийти в себя от такого приема. Меня приняли за ведьму? Видимо, потому, что сейчас я на нее очень похожа, после таких-то приключений. И тут неожиданная мысль пригвоздила меня к месту. А что же произошло?! Моя память отказывалась выдавать информацию о событиях, происходивших со мной ранее, чем час назад. Паника поднималась по позвоночнику и, взобравшись, поставила волосы на голове дыбом, видимо, решив мне помочь еще более походить на ведьму.

– П-простите уважаемый, но, кажется, вы ошиблись! Я не ведьма... во всяком случае мне кажется, что это так, – тихо икнув, испуганно пробормотала я.

Кавай недоуменно обернулся, и я снова испытала шок: лицо толстого человечка было абсолютно серым! Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а перед глазами поползли разноцветные пятна. С трудом прогнав дурноту, я сно-

² Ревень – теплый период соты (сто дней года), составляет примерно две трети соты.

ва подняла глаза на озадаченного хозяина: но все осталось, как есть. На улице, в темноте ночи, я не разглядела цвета кожи маленького мальчика, да и на фоне белозубой улыбки цвет лица хозяина не сразу бросился в глаза. Но теперь, в ярком освещении продолговатой гостиной, сомнений не оставалось: человек был сер, словно мышь. И серые же глаза с красноватым зрачком смотрели на меня внимательно и с изумлением.

Помолчав немного, хозяин неуверенно спросил:

– А кто же ты?

– Я – Мелайна, – на автомате ответила я, судорожно сглотив. – И, похоже, это единственное, что я знаю... Я сильно ушиблась головой и помню только этот вечер.

– Да уж скорее ночь! И как же тебя так угораздило? – голос толстячка, казалось, выражал искреннее сочувствие, а необычные глаза так и светились от любопытства. – Интересное на тебе платье, словно сделано из кожи гигантского коруга³... только цвета яркие, как драгоценные самоцветы. Да и внешность неординарная... я даже на ярмарке не видел таких... красавиц!

Я неопределенно пожала плечами. Сама знаю, что красивая.

И тут в дверь влетел Рови, я тут же уставилась на мальчишку. Маленький плоский нос, как мне показалось поначалу, оказался острым отростком с двумя продолговатыми ды-

³ Коруг – морской змей, из очень эластичной кожи которого делают одежду.

рочками. Я содрогнулась от неприязни. Как если бы обычный носик вывернули наружу и отрезали кончик. А губ у парня почти не было. Темно-серая ниточка под остатками носа. Зато длинные зубы сияли белизной так же, как у отца.

– Она идет! Ведьма идет! Батька, встречай! – заорал Рови и, тряхнув белесыми волосами, шмыгнул в сторону двери, откуда поползли такие аппетитные запахи, что я подавилась слюной, а живот громко заурчал. Наверное, я давно не ела.

Кавай снова нацепил свою эксклюзивную улыбку, за что я была крайне благодарна, ведь она скрывала общее уродство, и резво рванул к дверям. В дом вошла женщина. Я с любопытством уставилась на нее, но была разочарована: по-моему, она не сильно отличалась от толстячка... если, конечно, не считать голубоватого оттенка кожи. А кого я ожидала увидеть? Краснокожую бестию с ирокезом и продольными зрачками? Вот ведь начиталась всякой ерунды. Лучше бы вместо фэнтези штудировала научные трактаты, может быть и нашлось логичное объяснение происходящему. Забытые народы под землей, цвет кожи которых приобрел столь эксклюзивный оттенок вследствие длительной жизни поколений без солнца. И зрачок тоже...

Я действительно не видела ни неба над головой, ни звезд в абсолютной тьме. Никто не доказывал, что в подземных городах не может быть холодного ветра! Так что я просто могла провалиться под землю, двинуться башкой: свет померещился, а там дополнительная травма многострадальной го-

ловы о твердый лоб подземного человека. И все: научное открытие в кармане!

Кавай тем временем рассыпался в любезностях, а потом весь подобрался и грозно гаркнул что-то нечленораздельное в сторону, куда улизнул серый пацан. Из дверей мгновенно материализовались женщины разных возрастов: они испуганно сгрудились перед хозяином, бросая на меня и ведьму взгляды, полные паники.

– Смотри, – громкий перешепоток серых дам не стал для меня тайной. – Ведьма-то, похоже, из анахов...

– Да что ты, – голосок повыше, – у них же кожа синяя! Хотя, конечно, уродка такая же...

Я нервно рассмеялась: уродка?! С моей точки зрения, уроды – именно они. Хотя и моя персона не должна показаться местным привлекательной. Так что стала понятна пауза толстяка перед словом «красавица». А я-то, дурочка, приняла «комплимент» за чистую монету.

– Цыц, ванаги⁴! – гаркнул на них кавай. – Это не ведьма! Проводите лучше гостей в комнату хозяйки!

Тут все завертелось, закружилось, меня потащили наверх по винтовой лестнице, через пару поворотов по низеньким кривым коридорчикам. Когда же, наконец, все вокруг немного стихло, я обнаружила себя в небольшой комнате с плотно закрытыми шторами и одной горящей свечой. В легком полумраке с трудом разглядела огромную кровать,

⁴ Ванаги – мелкие неприметные птицы с громким криком.

на которой лежала женщина с изможденными чертами лица, обрубок носа был еще резче и острее, чем у кавайя. Со стороны кровати доносились странные ритмичные клокочущие звуки. Вокруг женщины стояли три молчаливые персоны. Похоже, одна из фигур – это колдунья, вторая – сам кавай, а третья... как раз подходила ко мне.

– Ты помощница ведуньи? – робко спросила приветливая молодая женщина.

Волосы незнакомки были тщательно уложены в высокую гладкую прическу, отчего круглые серые глаза казались почти огромными.

– Скорее я ее потенциальная пациентка, поскольку потеряла память и пришла просить помощи у хозяина, – устало ответила я, не в силах больше удивляться.

– Кавай – хороший человек и в помощи не откажет! – решительно проговорила девушка. – Даже таким, как ты.

Я пожала плечами, поскольку и не спорила: это в моих интересах.

У кровати раздался шум, и мы обернулись. Ведьма склонилась над больной, прикасаясь к коже звенящим предметом.

– А что у вас случилось? – тихо спросила я.

– У главной мамы третий день икота. Ни есть не может, ни спать, измучилась совсем!

– Вы дочь кавайя? – поинтересовалась я, вспомнив, как Рови говорил, что болеет его мать.

– Дочь второй жены кавайя, – с гордостью ответила она. – Но главную маму я тоже люблю. Она меня не обижает, – добавила девушка, а я с изумлением пыталась осознать сказанное.

Тут что, типа гарема? И вся эта стайка серых женщин... Раздалось шипение, легкий вскрик и все стихло. Ведунья откинула с лица пряди волос и облегченно вздохнула:

– Ну, вот и все! Теперь поспите, а утром...

Но тут больная женщина подняла глаза в наш угол. «Главная мама» с шумом втянула воздух дырочками продольных ноздрей и уставилась в мою сторону расширившимися глазами. Я удостоверилась, что за моей спиной никого нет, и изумилась, чем же моя скромная персона так взволновала хозяйку. Наконец, сцена из «Ревизора», успевшая порядком потрепать мне нервы, закончилась. Казалось, женщина заново вспомнила, как дышать, и попыталась что-то сказать. Попытка не удалась, зато ее хрип вывел из недоумевающего ступора старосту.

– Дорогая, что с тобой? – взволнованно спросил тот, поглаживая тонкую руку жены.

– Что со мной? – возмущенно взвизгнула женщина. – Ты клялся, что больше баб водить в дом не будешь, и так ораву натащил – кормить скоро станет нечем! Теперь еще и моде решил поддаться и притащил иностранку?! Да я с тебя шкуру спущу!

– Ну что ты, – растерянно проблеял кавай, испуганно мет-

нув затравленный взгляд в мою сторону. Я вдруг четко осознала, что это действительно было в планах уродца, и содрогнулась от мерзости. – И в мыслях не было, дорогая...

– Смотри у меня, – грозно прорычала женщина, но все еще косилась на меня, как лошадь на пожар.

А кавай тем временем счел за благо переменить тему и разразился благодарственной речью в честь ведьмы. Он потащил женщину из комнаты. По пути неугомонный толстячок подхватил под руку и меня. Я послушно потопала за хозяином вниз по лестнице. Сопровождаемые витиеватой речью, мы с колдуньей попали в ярко освещенную столовую. Ведунья весело подмигнула мне, словно мысли прочла, а я лишь кисло улыбнулась. Не люблю попадать в гаремы, хоть ни разу и не приходилось.

Казалось, что в столовой терпеливо ожидали нашествия многочисленных родственников. Пятиметровый монументальный каменный стол был уставлен разной снедью. Нас усадили, причем речь кавая, ни на секунду не прекращавшаяся за наш переход, вылилась в высокопарный тост. Похоже, серенький мужичок пытался загладить передо мной вину. Он всячески подчеркивал, как любит свою жену и как рад ее хорошему самочувствию. Выпив за здоровье исцеленной бокал багрового вина, ведунья тихо обратилась ко мне:

– Кто ты?

Поднадоевший вопрос! Я послушно повторила свою краткую биографию, решив, что сегодняшней вечер я уже забыть

не должна ни при каких обстоятельствах. И, вспомнив о потерянной памяти, озвучила просьбу о помощи в обретении оной.

Ведунья, представившаяся Марвией, надолго задумалась. Я уже успела попробовать немало блюд, настойчиво рекомендуемых хозяином дома, когда она заговорила вновь:

– К сожалению, я не смогу помочь, – разбила она мою надежду. – Судя по следу на твоём сознании, потеря памяти сопровождалась сильным магическим возмущением неизвестных мне сил. Я сначала приняла тебя за тайного мага с возможностью управлять этими самыми силами. Возможно, это силы, которые привели тебя сюда, а потеря памяти побочный эффект. Возможно также, что память восстановится сама, как в обычных случаях ее потери от шока. А возможно, это навсегда... Я не знаю, извини.

– Что же мне делать? – упавшим голосом спросила я, не знаю уж у кого.

– Для начала освоиться здесь, а потом попробовать найти человека или иное существо, которое способно тебе помочь. Что ты умеешь делать? – ведьма пытливо всмотрелась в мое лицо.

– Не знаю... – растерянно произнесла я, поражаясь ярко-алым глазам Марвии без признака на зрачок.

– Тогда посмотрим, что у тебя в сумке, и попытаемся определить это. – Ведьма улыбнулась и направилась к моим сумкам. Я услышала ее крик: – О, боги, что *это*?!

– Это плеер, – пожалала я плечами.

– Уже прогресс, – усмехнулась Марвия. – А для чего это?

– Чтобы слушать музыку! – Я вскочила, боясь, что память вновь откажет, и торопливо продемонстрировала ведьме работу проигрывателя.

Марвия при первых же звуках замерла, на лице ее мелькнул ужас. А вот непривычно молчаливый кавай мгновенно принял позу суслика в поле, и только едва заметные тонкие усы подергивались от любопытства. Я выключила, решив, что с них пока хватит, чем вызвала искреннее огорчение толстячка.

– Так, допустим, – наконец очнулась ведунья. – И для чего тебе музыка?

– Чтобы танцевать, – мгновенно отрапортовала я и обрадовалась.

Хоть какое-то познание себя!

– Значит – ты танцовщица, – уверенно заключила Марвия.

– Я знаю, знаю, – аж подпрыгнул неугомонный кавай. – Мой хороший знакомый корчмарь в Валраде собирает труппу артистов для увеселения посетителей. Валл! Он небедный и, что важно, добрый. Так что скажешь, что от меня, и легкая прижимистость не мешает ему дать тебе приличное жалованье и место проживания в его же гостинице. Конечно же, если он вспомнит, что немного задолжал мне когда-то...

– Ну и замечательно, дорогой хозяин! А теперь, тебе не

кажется, что гостье надо поспать, чтобы представить товар лицом этому твоему знакомому? – с легкой усмешкой произнесла ведунья.

Кавай на мгновение смутился, но тут же опомнился, и сразу же его исключительно деятельная натура создала вокруг меня серый смерч. К счастью, не настоящий, а из суеящихся женщин, которые меня за пару минут спать уложили. В буквальном смысле...

Глава 2

Наутро я тепло попрощалась с новыми знакомыми, стараясь не замечать тоскливого взгляда сальных глаз толстячка и грозного зыркания его старшей жены, которая вопреки рекомендациям ведуньи вскочила с постели, дабы убедиться в моем отбытии. Я же поспешила успокоить эту ревнивицу, стараясь выдвинуться в Валрад как можно скорее.

За плотными шторами я не могла разглядеть ничего, даже света дня. Будет ли этот свет? Я очень боялась, что подозрения оправдаются, и мы окажемся под землей. Поэтому ничто не могло меня заставить приподнять тяжелую ткань занавески. Я даже вышла за порог с крепко зажмуренными глазами и глубоко дышала, стараясь восстановить нормальное биение сердца. Убедив себя, что хуже уже не будет, я распахнула глаза и озадаченно уставилась на веселое оранжевое солнышко, карабкающееся на белоснежное небо. А озадаченно потому, что на горизонте, оттеняя багровую линию чужих лесов, следовало за братом точно такое же оранжевое солнышко.

– Два солнца! – ахнула я.

Нет, это не подземелье. Дело обстояло гораздо хуже. И единственное, что приходило в мою бедовую голову: меня похитили инопланетяне! Тот свет наверняка инопланетный луч, о котором так часто пишут в желтой прессе. А также

об издевательствах над землянами и жутких экспериментах. Меня, благо, пока не препарировали. Но эксперимент явно был: простую землянку закинули на чужую планету. Может, это проверка на выживаемость индивидуумов с планеты Земля?

Пока я любовалась на двойное светило, из дома вышла веселая Марвия. По пути молодая женщина левой рукой поправляла многочисленные сумочки на длинных лямках. Правой она важно протягивала мне рекомендательное письмо от кавая. Спрятав свои потрясающие глаза без зрачков, женщина пробормотала, что ей неожиданно понадобились в городе некоторые ингредиенты для зелий. Но я понимала, что добрая ведунья просто решила убедиться, что со мной все будет хорошо. Очень приятно, когда незнакомый человек, а особенно не человек, проявляет к тебе столько участия.

Но все же это немного настораживало. И я попробовала уточнить причину неожиданного счастья. Марвия рассмеялась по случаю такой «нечеловеческой» проницательности и объяснила, что хочет проследить за моей дальнейшей судьбой. Может быть, ей даже удастся установить, что за неизвестная магия решила почтить этот мир своим присутствием. Так что, все оказалось проще некуда: обычное любопытство. Точнее, не обычное, а ведьминское.

– Может, ты просто не знаешь о такой магии, – осторожно возразила я, вспомнив свою версию. Для таких вот ми-

ров, находящихся в период развития примерно рыцарских времен, любая техника – волшебство! – Ведь ты не можешь знать, какая магия обитает в далеких уголках Вселенной.

– Ты знаешь, Мел, я же не просто ведунья, я маг со степенью, – пожалала плечами ведунья. – И хоть обучалась я целительству, это не освобождало меня от изучения других предметов. К тому же мне часто приходится лечить не только от болезней, но и от сглазов и проклятий различной сложности, которые могла вызвать любая магия мира.

– Тогда что же ты делаешь в этой глуши? – изумилась я.

– Таким, как я, непросто пробиться на хорошие места. Да и не глушь это. С одной стороны нашего леса Валрад – сход торговых путей, один из самых богатых городов Кеприи. Все из-за выхода к морю. С другой стороны простирается граница владений цваков⁵. А на севере лес упирается в горы, где живут анахи⁶.

– О! Этих я знаю! – воскликнула я, вспомнив разговор жен кавайя. – Это те, на которых я похожа, только синие?

– Хороший у тебя слух, – криво усмехнулась Марвия. –

⁵ Цваки – существа с прозрачной кожей. Сетка кровеносных сосудов под ней придает ощущение светло-фиолетового цвета кожи. Цвет волос у мужчин – признак статуса в обществе: гладко выбритый череп с невысоким ирокезом ото лба к затылку, который переходит в длинную косу. Глаза преимущественно зеленого цвета, круглые. Женщины выбривают волосы на голове. Заносчивы, обладают магией в различной мере. Национальное оружие – рамы (подобие арбалета).

⁶ Анахи – существа с синей кожей и оранжевыми миндалевидными глазами, сильные маги, очень высокомерны, живут обособленно – в горах.

Если уж на то пошло, я тоже похожа на анахов. Собственно, именно поэтому я маг. В роду анахов невероятное количество магов. Может, даже все... Они очень скрытны, ничего не знаешь наверняка. И не предугадаешь, что выкинут в следующий момент. Вот и мой папочка, – ведьма горько улыбнулась, – пошел на поводу моды. Взял в гарем иноземную женщину, а потом просто выбросил. А она меня родила.

– В смысле, – поражено ахнула я. – Беременную бросил? Вот гад!

– Да от меня все равно после рождения избавились бы, – невесело покачала головой Марвия. – Анахи не допустят в своих владениях нечистокровного... Так что, он мне жизнь спас. Не хочу, чтобы ты попала в ту же ловушку, что и моя мать.

– То есть вот так завуалированно ты предлагаешь мне свою помощь? – уточнила я.

– И дружбу, – улыбнулась она.

Мы шли по дороге, вымощенной толстенными керамическими плитами, многие из которых уже давно раскололись в мелкую пыль, поэтому приходилось внимательно смотреть под ноги, дабы не покалечиться. По пути я попросила прочесть лекцию о здешних устоях и обычаях, чтобы не попасть впросак. Вышли мы на рассвете, и я уже имела представление, что эти загадочные цваки – высокомерные придурки, живущие на деревьях. А также, какие на самом деле анахи и как нужно обращаться к ним, чтобы не быть убитой на ме-

сте. И сколько стоят услуги мага. Так, на всякий случай. Все равно местных монет у меня не было...

Дорога все больше расширялась, и в нее, как в полноводную реку, вливались боковые тропинки и вполне утопанные пути. Вскоре нас начали обгонять группы всадников и деревянные телеги с товарами. Становилось все более людно, а на подступах к городу стало совсем уж не пробиться. Более того, у ворот выросла приличная очередь.

Сами ворота были изготовлены из синего узорчатого металла. Дорога у замка выложена плоскими круглыми камнями. Насколько я поняла, каменных пород в мире не так много, и это дорого. Простые дороги мостят кривыми керамическими плитами. А из глины мастерят дома простолюдинов. Стена же замка была выложена из крупного и мелкого камня приятного серо-голубого оттенка. Скреплены камни, видимо, той же глиной, так как в стене пробивались пожухлые красноватые лианы. Вал перед стеной был старательно выложен уже изрядно поднадоевшими керамическими плитами.

Когда мы подошли к концу очереди, я уже начала слегка косеть от свалившейся на меня информации о количестве народов, населяющих этот нескучный мир, и об их нетривиальных, с моей точки зрения, обычаях. Запутавшись совсем, я заскулила, моля о пощаде. Марвия засмеялась и успокоила, что в этом городе живут практически все представители рас, и если бы каждый из них стремился исполнять обычаи своего народа, то город разлетелся бы на куски в тот же миг.

Так что я слегка расслабилась, а ведьма потащила меня мимо очереди к серой неприметной дверце. За дверью встретил влажный мрак. Пахло сыростью и прелой травой. Я нервно хихикнула, а Марвия потянула дальше и по пути объяснила, что это тайный ход специально для таких, как она. Я сделала вывод, что магов здесь любят. Или хотя бы боятся, что в огромной очереди они озвереют и разберут город по камешку. И правильно! Марвия сообщила, что магии учатся как минимум пятнадцать лет! Надо же получить какие-нибудь привилегии после этой пытки.

Вскоре посветлело, и мы вышли на узенькую улочку с другой стороны крепостной стены. Я огляделась, но ворот не увидела.

– В любом случае, спасибо! А то в такой очереди меня просто раздавили бы и свернули в рулон для большей компактности.

– В такой очереди тебя запросто украли бы в чей-нибудь гарем! – рассмеялась ведунья.

– Что?! Э...

Больше ничего я выдавить не смогла. Кажется, я лишилась дара речи.

– Мел, твоя внешность о-о-очень необычна для нашего мира, так что постарайся не пополнить чью-нибудь коллекцию раньше времени, ладно? – Марвия посмотрела на меня пронзительным взглядом красных глаз.

– И много у вас тут таких коллекционеров?! – нервно

уточнила я.

– Хватает. Но стоит нам добраться до знакомого корчмаря кавайя, и тогда тебе ничего не будет грозить. Валл помешан на искусстве и всегда готов взять под свое крылышко очередного непонятого гения. Хотя, думаю, что ты и без рекомендации кавайя произвела бы на него впечатление. Но так с тебя вообще пылинки сдувать будут!

– А сам он, случайно, не любитель иноземных женщин? – осторожно уточнила я, вспомнив масляный взгляд толстячка.

– Да что ты, – рассмеялась подруга. И серьезно добавила, словно обрубилa: – Он же валл⁷!

Как будто мне это что-то объясняло! Да уж... Будущее со слов подруги представлялось не в очень-то радужных тонах.

Мы бодро шли по улочке, и мелкие камушки городской мостовой шуршали под ногами. Да, без проводника на прогулку по городу я решусь еще очень нескоро. И как только Марвия разбиралась, в какую из абсолютно одинаковых подворотен нырнуть и куда повернуть на одном из многочисленных перекрестков? Вокруг суетливо сновали серолицые существа. Я часто ловила на себе любопытные взгляды.

Наконец, мы подошли к трехэтажному зданию, которое выглядело не как корчма, а скорее, как дворец. Ну, неболь-

⁷ Валлы – огромные человекоподобные существа, тело сплошь покрыто волосяным покровом. Упитанность – признак социального положения. Мужчины подчеркивают свою зрелость одеждой, только перейдя порог совершеннолетия, они имеют право носить штаны.

шой такой дворец с огромной конюшней, площадью и фонтаном перед входом. Помпезные керамические колонны, правда, уже были кое-где обколоты, и в гранитных урнах что-то вонюче дымилось, но все равно это не походило на корчму. Похоже, эти мысли отразились на моей не в меру живой физиономии, потому как Марвия весело рассмеялась.

– Удивлена? Не переживай! Это впечатление ты делишь со всеми приезжими. Дело в том, что здесь когда-то жил старый валл, у которого имелась куча родственников, претендующих на его немалое состояние. Но, увы, не было собственных детей. И он решил напоследок подложить всем большую свинью. После того, как родственники вылизывали его лет пять перед смертью... или морили, что, наверное, ближе к истине, он завещал все своему камердинеру. Правда, с условием, что тот сделает из дома гостиницу и будет бесплатно сдавать четверть комнат представителям любого искусства. Камердинер же пошел еще дальше, разместив на первом этаже корчму, а обласканным изменчивыми музами дает в пользование аж половину всех комнат, поскольку всегда разделял любовь своего господина к прекрасному. Правда, это не мешает ему драть с других постояльцев втридорога. А поскольку это сейчас самая модная, чистая и с безупречным обслуживанием гостиница, да еще с корчмой, то от желающих отбоя нет. Это единственное заведение среди сотен гостиниц города, где бронируют места!

Я прониклась и даже покивала с восхищением, а подруга

иронично посмотрела на меня. Но, видимо, удовольствовались этим спектаклем, потому как наконец провела внутрь. Правда, торжественность момента несколько нарушало наше дружное хихиканье.

Но через минуту мне стало не до смеха. Зал оказался просто огромен! И до некуда заполнен людьми. Впрочем, я поторопилась. Существ, похожих на людей, здесь было не так и много...

– Посмотри вон на тот столик, вот так выглядят цваки! Впечатляет? – Похоже, подруга решила подкрепить свою лекцию практикой. – А вон в том углу целая компания анахов. Вообще-то, подобное сборище весьма подозрительно, ну да ладно. Они всегда в черных плащах, поэтому неземную синеву благородной кожи нам не увидеть... но оно и к лучшему, уж поверь!

Мы медленно пробирались между столиками, а я не уставала удивляться: насколько странно постаралась природа этого мира. Может, тут радиоактивное солнце? Кожа существ серая или синяя... Но как же быть со страшными и одновременно очень трогательно-изящными цваками с их почти прозрачной фиолетовой кожей?

До меня долетел обрывок фразы, и я вздрогнула. Мужчины обсуждают меня! Прислушавшись, я поняла, какая именно часть пришлась гостям по вкусу, и начала медленно краснеть. А, оглянувшись, увидела, что следом за нами направились двое представителей этого народа, и вид их был весьма

решителен.

– Ма-а-арвии-и-я! – в ужасе прошипела-прокричала я.

В минуты стресса я способна еще и не на такие звуки.

– Спокойно, Мел! Вот твой защитник! – громко продекламировала Марвия.

Я перевела взгляд вперед и испуганно икнула. Пред моими глазами появилось мохнатое пузо диаметром эдак метра в полтора. Я запрокинула голову, пытаясь посмотреть в глаза его обладателю.

– Привет! – улыбнулась живая гора скомканного меха.

Я оцепенела от ужаса, не в силах отвести взгляда от огромной пасти существа, снабженной целой батареей острых желтых зубов. На память пришли жуткие сценки из старого фильма про звездные войны. Я оторопело разглядывала чудовище с головы до ног. Заметив под пузом шикарные красные шаровары, невольно хихикнула. Не думая о последствиях, я дважды хлопнула себя по щекам. И, прежде чем разум остановил это безумие, присев, выдала:

– Ку!

Марвия оторопело покосилась на меня и, вынув письмо из моей сумки, передала его тоже ошалевшему от такого приветствия великану. Тот пробежал глазами по строчкам, и глаза его потеплели. Мохнатая лапа опустилась на мое плечо:

– Я – Дик. Не бойся, я тебя в обиду не дам! – Кажется, он специально произнес последнюю фразу так, что она громом пронеслась по всему залу.

Я торопливо оглянулась на самоуверенных типов, которые следовали за нами. Те внезапно стушевались и постарались сделать вид, что встретили знакомых за близлежащим столиком. Соседи несказанно удивились, и шуму в корчме прибавилось.

– Друзья пройдохи кавайя – мои друзья! – доброжелательно загудел Дик. – Слушай, а ты можешь выступить уже сегодня вечером?

– Это будет здорово, Мел! – поддакнула ведьма. – Мне не терпится увидеть, что могут такие странные существа, как ты...

– Хорошо, – не стала ломаться я, подозревая, что завтра подруги уже в городе не будет.

– Лады! – грохнул Дик. – Тогда пойдем, покажу тебе твою комнату, и до вечера можешь гулять где хочешь... только не уходи дальше фонтана.

* * *

Номер был выше всяких похвал! Целых три комнаты и огромная ванная... То, что это ванная, я догадалась по стоящей посередине бочке высотой с человеческий рост. Воду в ней подогревала хитрая конструкция из голубоватого металла с горячими углями. Я сердечно поблагодарила Дика и он, напомнив о предстоящем выступлении, вернулся в зал.

– Просто здорово! – заявила я.

Марвия была со мной согласна, на этот раз даже ее приняло.

– Знаешь, платные номера не такие шикарные, – ответила она. И тут же подмигнула: – Кто первый купаться будет?

Мы взвизгнули и наперегонки бросились к бочке, нетерпеливо срывая с себя одежду... Раздался всплеск и наш счастливый визг. Благо размеры бочки позволяли залезть в нее и вчетвером. Вымывшись, мы обнаружили в столовой блюдо с фруктами и, подкрепившись, решили немного погулять по городу. Заодно подкупить кое-чего в знахарскую сумку ведуньи.

Дик недовольно гудел за стойкой, не решаясь отпустить нас одних. Но, в конце концов, ведьма уговорила валла. Правда, нам пришлось таскать за собой другое чудовище – его младшего братца. Младший мохнатик оказался крайне молчалив... хотя, может, ему было просто унизительно прогуливать двух девиц по городу. Набродившись до ломоты в ногах, мы вернулись очень довольные. Я была полна необычных впечатлений, а сумка Марвии – трав, корней и засушенных частей мелких животных. Сдав нашу персональную охранную собачку Дику, мы разбрелись по комнатам. Кажется, я уснула прежде, чем рухнула на кровать.

Снилось, что я танцую в группе из шести девушек. Наши восточные костюмы сверкали и искрились в свете рампы. Концертный зал полон зрителей. И надо было выступить безупречно, поскольку именно сегодня выбирали лучшие кол-

лективы, способные не уронить честь города перед высокими гостями. И, как назло, Ольга постоянно допускала ляпы, крутилась не в такт. Девушку мотало по всей сцене. Багровая Леля рассерженной гусыней шипела за кулисами. Я активно призывала подругу сосредоточиться, хотя танец был уже запорот. Вконец закрутившаяся Оля с грохотом рухнула в оркестровую яму. Но музыка продолжалась. Я огляделась, но на сцене никого кроме меня не было. Неужели, девчонки попросту сбежали? А как же Оля? Я бросилась к яме и увидела распластанное тело девушки. Закричав ее имя, я спрыгнула вниз, повернула подругу за плечи и вздрогнула: на меня смотрели круглые алые глаза без зрачков, дико выделяющиеся на нежно-фиолетовой, полупрозрачной коже. Узкие серые губы исказила болезненная гримаса...

– Да вставай же, наконец! Или хочешь проспять свое первое выступление?! – раздался крайне раздраженный голос Марвии.

Похоже, она будила меня очень долго и была уже на взводе.

– Не тряси меня! – простонала я. – Мне кажется, что я попала в миксер.

Тряска к моему облегчению прекратилась. Должно быть, Марвию озадачило незнакомое слово. Я открыла глаза и перед моим взором материализовалась дымящаяся чашка. Правда, к моим магическим способностям это не имело никакого отношения, просто подруга решила побаловать меня

душистым чаем.

– Я надеюсь, в твои планы не входит моя скоропостижная гибель? – Я с подозрением покосилась на чашку.

Похоже, подруга обиделась; она грубо сунула горячую чашку, буркнула, что это добавит мне бодрости, и ретировалась из комнаты. Уж и поворчать немного нельзя! Я вдохнула чудесный аромат цветущих трав и, проорав «спасибо» в сторону распахнутой двери, выпила зелье.

Сладко потянувшись, поднялась. Ночной кошмар оставил на память о себе липкий пот, покрывающий все тело. Я смочила полотенце холодной водой из кувшина и быстро обтерлась. И лишь потом громко спросила:

– А сколько у меня еще времени? – Ответом была тишина, и я добавила извиняющимся тоном: – Ну, хватит дуться, подруга! После таких жутких снов, который мне сегодня привиделся, вообще странно, что я веду себя адекватно...

– Я не дуюсь, а пытаюсь разглядеть твои наряды, – раздалось из соседней комнаты. – Выход твой через час. А тебе что, кошмар приснился?

– Еще какой, – буркнула я, содрогнувшись от воспоминания.

Вошла в соседнюю комнату и увидела Марвию за работой. От ярких сценических костюмов, развешанных на мебели и действительно находящихся в жутко смятом состоянии, летели разноцветные искорки. Да, часа тут мало! Даже если здесь найдется хороший утюг с отпаривателем, я и то буду

корпеть как минимум часа три.

Ведунья метнула на меня лукавый взгляд, торжественно щелкнула пальцами, и костюмы стали выглядеть так, будто их только что забрала из химчистки. Я восхищенно выдохнула, а Марвия гордо улыбнулась.

– Ты так и будешь стоять истуканом или все-таки приведешь себя в порядок? – спросила она.

Я метнулась к сумке, а подруга направилась за мной и следующие минут сорок ведунья провела за любимым занятием девочек всех времен и народов: игрой в куклы. В роли куклы выступала, конечно же, я. Ощущая легкие прикосновения к лицу, я дивилась, насколько быстро Марвия разобралась, как пользоваться нашей косметикой.

И вот в костюме и с почти безупречным макияжем я аккуратно, старательно избегая попадаться кому-либо на глаза, спустилась вниз. Ведунья важно несла за мной плеер, словно это самое ценное сокровище мира. В комнатке перед сценой никого не было: похоже, я выступаю первой. Это несколько нервировало, всегда трудно идти первой. Подруга осторожно, стараясь не измять платье, обняла, пожелала удачи и ретировалась в зал. Дверь снова открылась, и я увидела Дика. Валл окинул меня восхищенным взглядом черных глаз и присвистнул:

– Да ты и вправду танцовщица!

– Ты сомневался, но хотел, чтобы я выступила? – засмеялась я.

– От этого пройдохи можно ждать чего угодно! Я подумал, что он направил ко мне скрывающуюся анахиню-отступницу, – усмехнулся он. Потом вид его стал серьезным: – Теперь все в твоих руках... или ногах. Удачи тебе! И не переживай. Независимо от результата, ты все равно под моей защитой.

Великан вышел, а я глубоко вздохнула, прогоняя нервную дрожь в негнущихся коленках. Перекрестившись, вышла в темный зал. Несколько шагов по скрипучей деревянной сцене в тени тяжелого пыльного занавеса показались вечностью. Я поставила плеер в конце зала и, присев, задала программу проигрыша мелодии через пять минут. Выпрямилась и глубоко вздохнула, сосредоточившись на своем внутреннем состоянии.

По не такому большому, но опыту могу сказать, что от душевного состояния танцовщицы напрямую зависит успех выступления. Даже если ты в танце ничего собой не представляешь, но во время выступления у тебя светятся глаза, и улыбка сияет искренней радостью, то публика примет тебя с большим восторгом, чем суперпрофессионала с лицом мумии.

Я приготовилась получить удовольствие от своего танца. С этим проблем у меня никогда не было: танцевать люблю и всегда любила. Это песня тела, порыв души. В танце я выражаю эмоции, которые невозможно описать словами. Передаю свои чувства, свое видение мира. А здесь, в совершенно чужой и даже чуждой мне обстановке, танец стал единствен-

ным, что связывало меня с далеким домом.

За занавесом я слышала равномерный гул. Что ж, люди... и нелюди веселятся. Все правильно, надо же как-то разнообразить свою жизнь. По ткани проплыла огромная тень, и громоподобный голос произнес:

– Тихо! – И настала неправдоподобная тишина, как будто кто-то выключил звук. Дик добавил немного тише: – Представление начинается!

Стоя на сцене, я отсчитывала мгновения, оставшиеся до начала мелодии. Занавес уже медленно отъезжал в сторону, и я оказалась в столбике переливающегося света.

Сердце заколотилось так, что, казалось, его слышат даже зрители. По залу, словно шуршащий ветерок, прокатился вздох. Что же, я могу их понять. Сама, когда смотрю со стороны на танец наших девушек в группе, наслаждаюсь их сказочной красотой.

В свете магических лучей золотые босоножки нереально ярко сверкали перламутровыми блестками. Юбка, сидящая на моих бедрах, мягко переливалась фиолетовым атласом и таинственно мерцала воздушным туманом органзы, меняющей свет от сиреневого до красного. Углы верхней и нижней юбок расходятся, создавая образ воздушности, и богато украшены золотыми сверкающими пайетками и бисером. Фиолетовая блузка заканчивается под грудью, с длинными рукавами, которые вершат расклешенные манжеты, по стилю повторяющие юбку. Блузка расшита восточными узора-

ми из золотого же бисера и пайеток, а по краю украшена длинной бахромой из сверкающего бисера. На бедрах закреплён золотой пояс, сплошь расшитый фиолетовыми, сиреневыми и красными камнями и тоже по краю украшен шикарной бахромой из золотого бисера. Все это великолепие сверкало и искрилось до рези в глазах в луче света.

Несколько мгновений пролетели для меня часом неподвижности на сцене. Глаза отказывались воспринимать публику как что-то овеществленное. Это плохо, надо танцевать для публики, иначе она почувствует обман и отнюдь не поблагодарит за него. Еще помидорами забросают. Хотя они по цвету и сочетаются с костюмом... Ну, в общем, не люблю я томаты. И мне уже все равно, свежие или тухлые. И тут в цветном расплывчатом пятне публики, которое упорно видели мои непослушные гляделки, я отчетливо увидела *глаза*. Не знаю, чем они меня зацепили. Конечно, явно нечеловеческие, цвета редкого красноватого янтаря, они словно светились, притягивали, гипнотизировали... Наконец началась музыка. Я облегченно вздохнула и, словно нырнув с пятиметровой вышки в холодную воду, начала свой танец. И танцевала для этих глаз. Выражая любовь ко всему живому, любовь к самой жизни, воплощала в танце восхищение прекрасным и необычным. Все это я видела в странных глазах. Тело повторяло заученные до автоматизма, отработанные до совершенства движения, а душа пела и искрилась, заполняя меня, словно яркий бокал веселящими пузырьками шампан-

ского. Казалось, душа вышла за пределы тела и объемом уже превысила столб света, окружающий меня. Вокруг засверкали все краски жизни, засветилась радуга и тут же распалась на миллиарды светлячков. Словно кролик у фокусника, откуда возникли и запорхали невиданной красоты птицы, а под ногами зацвели цветы, источающие аромат божественного нектара. Теперь каждое мое движение наполняла небывалая энергия, она уже охватила все тело. Даже померещилось, что руки светятся и стали полупрозрачными. Великое счастье жизни лилось из движений водопадом, я никогда не ощущала такого счастья! Последнее па плавно перетекло в поклон, и музыка стихла. Я стояла, ошеломленная ощущениями, а вокруг оседали хлопья света, которые гасли в сантиметре от пола, и тихая полумгла поглощала пространство танца.

«Странная тут иллюминация, наверняка магическая» – подумала я.

Когда стало совсем темно, я подняла глаза. Меня неприятно поразила тишина, абсолютная тишина. Не то, чтобы я так уж привыкла к бурным овациям, но полностью проигнорировать выступление артиста было совсем уж по-свински. Пыхтишь тут, стараешься, выкладываешься по полной, а в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя.

И тут я опять увидела глаза. Только теперь из тумана для моего взора постепенно прорисовалось лицо. И какое лицо! Темное, нечеловечески красивое, с синим отливом. Таким,

какой бывает на дорогушем импортном бархате. Тонкие черты: четко выраженные скулы, волевой подбородок, длинный узкий нос... и ничуть не похож на страшные отростки серых существ. Потом, как на картине художника появились волосы... абсолютно черные! Иссиня-черные. Но это его не портило, даже придавало еще более неземное ощущение. Волосы струились по плечам и ниспадали до талии по черному плащу, усиливающему контраст. Он сидел абсолютно неподвижно, не сводя с меня своих поразительных глаз. Я почувствовала, как кожа пошла красными пятнами от волнения. Надеюсь, это не очень видно из зала! Казалось, чистая энергия струится через наши глаза: золотистая из его в мои, и нежно-сиреневая из моих в его. Как будто издалека до моих ушей донесся нарастающий гул. Ощущение, что на меня надвигается огромный улей пчел. Я вздрогнула, связь между нами прервалась, и зал стал виден абсолютно нормальным зрением. Ну, слава богу! А то я подумала, что ослепла от неземных переживаний, да плюс глюк в виде глаз невероятно красивого парня! А со мной все в порядке! У-р-р-а-а-а-а! Я не псих! Да еще улей превратился в овации. Не то слово – это были бешеные овации! Все кричали, свистели, зал стоял на ушах. Конечно это лучше тишины, но, по-моему, ребята (да и девчата тоже) слегка (хм!) перебарщивают. Я окончательно смутилась и стрелой бросилась со сцены.

Не успела перевести дыхание, как в комнату ворвалась Марвия. Она махала руками, пыталась и ногами, но потеряла

равновесие и рухнула в кресло. Повращала глазами, несколько раз попыталась что-то сказать, но только разводила руками. Я встала напротив нее и скрестила руки на груди: «Ну, мол, чего еще покажешь». Пантомима мне понравилась, но все же было интересно, что именно она пытается сказать.

– Марвия! Кончай придуриваться, скажи по-человечески, чего тебе нужно!

Она несколько раз вздохнула и выдохнула. Я восприняла благосклонно ее титанические усилия привести себя в порядок и стала спокойно ожидать окончания этой немудреной дыхательной гимнастики.

Наконец подруга начала издавать звуки, похожие на человеческую речь. Хвала небу, она не стала тренироваться на первых выученных, типа «папа, мама», а неестественно спокойным после вышеозначенного буйства голосом произнесла:

– И ты меня еще грузила, что не ведьма! Да первое твое выступление выдало в тебе Мастера! Ты это нарочно или и это забыла!?!

– Чего? – я опешила.

Смысл сказанных слов ускользал от меня, как скользкий уж из рук.

– Я так и знал, что ты ведьма, девочка! – ворвался в комнату Дик, заполняя собой все свободное пространство. Вся его по-волчьи серая шерсть стояла дыбом. – Но *такой* силы я в тебе и не подозревал!

– Ребята, объясните пожалуйста девушке, слегка сдвинутой по фазе, о чем собственно говоря вы толкуете! – тихо начала я, но в конце сорвалась на фальцет.

Марвия моргнула. Тут же выставила сопротивляющегося Дика за дверь: я и не подозревала в хрупкой женщине такой силы, посадила меня в кресло, сунула в руки какое-то пойло, села напротив, и – заговорила.

По ее словам выходило, что я мало того, что маг, так еще и Мастер (даже не магистр и не архимаг). Только Мастер может превратить магию в искусство! Или искусство в магию. К тому же, видимо, чтоб не скучно было, я использую в танце *все* имеющиеся в этом мире стихии. И то, что я принимала за разыгравшееся воображение (со мной это бывает), совершалось на самом деле. И чувства, которые я испытывала в танце, вместе со мной испытывал не только зал, но и весь город! И это не иллюзия, не внушение, они на *самом* деле это чувствуют, и еще долго будут находиться в состоянии эйфории. Короче говоря, все жители и гости города следуют правилу «Возлюби ближнего своего!» и сейчас помирились даже кровные, самые непримиримые враги. Дар магии всех стихий очень редок и труден в постижении. У меня же это естественно, словно я родилась с этим умением. Но этого не может быть, так как противоречит закону природы. В истории Мастера Танца Стихий за минуту могли остановить войну миров, так же, собственно, и развязать ее. И только от силы мага зависит «радиус поражения».

– Я теперь понимаю, почему она скрывается! – ухмыльнулся вновь появившийся в дверях Дик.

– Извините, ребята, мне срочно нужно побыть одной! – нервно хихикая, промямлила я.

Они как по команде скорчили самые понимающие физиономии, а я вылетела за дверь. И бежала, ничего не видя вокруг, и лишь каким-то чудом оказалась все-таки в своей комнате. Захлопнув дверь, я со стоном повалилась на кровать и попробовала отловить хотя бы одну дельную мысль в голове. Но моя бедовая верхняя конечность отказывалась выдать хотя бы и не дельную мысль. Вообще никакую, да еще и отзывалась на каждое усилие только гулким звоном. Я прекратила это издевательство над своим еще ни в чем не повинным организмом, встала с кровати и петляющей походкой направилась в столовую, где еще утром заметила графин с чем-то темным. Последняя надежда оправдалась: это оказалось вино. Выпив залпом целый бокал, я почувствовала первую мысль – «Обалденное вино!». Я усмехнулась этой немудреной мысли и, налив еще, направилась к кровати. В одной руке я держала полную (ну, уже почти полную) полуторалитровую бутылку, в другой бокал с оной же божественной жидкостью. Войдя в комнату, я вдруг столкнулась с оранжевыми глазами, к которым прилагалось все вышеизложенное мною. Я хихикнула и, помахав бутылку у него перед носом, нежным голосом пропела:

– Здравствуй, глюк!

Глюк, похоже, опешил, потому как застыл соляным столбом и усиленно захлопал своими прекрасными гляделками. Я же, выпив вино из бокала, протянула ему бутыль:

– Хоч-чешь глот-оч-очек? – а крепкое пойло: уже язык заплетается.

Из-за спины глюка вынырнула Марвия и, пытаясь отнять у меня бутыль, которой я многозначительно вертела перед носом у глюка, щедро обдавая того ароматными брызгами, сообщила мне громким трагическим шепотом:

– Мел, очнись! Это не глюк, это Верховный маг Лив’утвао, Рож’иальяр Л’ладаргра. Он анах.

– Можно просто Роже, – произнес этот тип, слегка поклонившись и даже не пытаясь спрятать насмешку в глазах. – Знаю, что произнести правильно мое имя не анахам не под силу, а перевирать лучше не стоит.

Услышав его вибрирующий баритон, я окончательно впала в ступор, бутылка выскользнула из рук и разбилась вдребезги. Что окончательно погубило щегольской костюм мага.

Я моментально протрезвела и насторожилась:

– И что же великому и ужасному верховному магу... как там, Ливьютао, вдруг понадобилось в комнате кабацкой танцовщицы? Покорен моим талантом? – иронично спросила я.

Вот так всегда, стоит мне смутиться, как я начинаю хамить. Что-то вроде условного рефлекса. Невероятные глаза Роже, немного похожие на глаза Марвии, сузились и вновь сверкнули насмешкой. Он снова слегка поклонился и галант-

но ответил:

– Несомненно, покорен! И приглашаю Мастера на гастроли в, – маг отчетливо произнес: – Лив’утвао! Спешу заверить, что тебе, несомненно, будут оказаны все возможные почести моим народом.

– Звучит угрожающе! – тихо пробормотала я, но этот тип обладал, как оказалось, феноменальным слухом.

– Уверяю, я обеспечу всю возможную безопасность. Ты будешь жить во дворце нашего порфиноосца.

Услышав последнее слово, я хихикнула, но решила больше не проверять мага на терпимость. Хотя, надо бы уточнить один щекотливый вопрос:

– В каком качестве? Нового экспоната? Меня просветили насчет здешних обычаев...

Марвия толкнула в бок, и я благополучно подавилась концом фразы.

– Должен успокоить Мастера, что у анахов не принято заводить гарем, как у некоторых рас, – улыбнулся Роже. – Даже у порфиноосца нет такой привилегии.

– Иными словами, даже если гаремы и есть, такую как я туда тащить не будут – лицом не вышла, – саркастически усмехнулась я, мельком взглянув на донельзя мрачную Марвию, которая сверлила анаха убийственным взглядом. – Так зачем же я вам понадобилась, только не говорите, что без ума от танцев, не поверю. Я никуда не поеду без ясной цели моего путешествия.

– Я все расскажу по прибытии, – бесстрастно ответил анах.

Потрясающе: мне готовят сюрприз! Только внутренний голос ехидно шептал, что оный вряд ли меня обрадует. Так что в ответ я пожала плечами, демонстративно развернулась и, подхватив под руку подругу, ушла в спальню, громко захлопнув за собой дверь.

– Какие у тебя будут мысли насчет этой бредовой поездки, цель которой мне не хотят сообщать? – спросила я Марвию.

– Знаешь, Мел, с анахами всегда нужно держать уши на макушке. Они самые лучшие стратеги и ничего не делают просто так. Любой их, даже самый незначительный, поступок – есть звено в цепи большой интриги. А уж если они чего-то недоговаривают, то это вдвойне подозрительно, – нахмутив брови, сурово произнесла подруга.

– Я с тобой согласна, поскольку чувствую, что эти, с позволения сказать, «гастроли» принесут мне море проблем, – мрачно протянула я.

– Но анахи никогда не отступают, – ведьма с опаской выглянула в окно. – Будет трудно уйти от него. Если только, может быть, Дик поможет?

– Позови его, Марвия, а я постараюсь отвлечь анаха болтовней... – попросила я женщину.

– Смотри только поосторожнее, как бы он тебя саму не отвлек! – ехидно улыбнулась подруга. – Ну что, действуем по плану?

Марвия решительно взялась за ручку и, открыв дверь, устала на мага. Тот стоял в том же положении и на том же месте, где мы его оставили.

– Прости, Роже, нам надо было посоветоваться, – я постаралась улыбнуться как можно более обворожительно, но, судя по невозмутимости физиономии анаха, все мои старания прошли даром. – Давай присядем и обсудим все, как цивилизованные люди.

– Я анах, – машинально поправил Роже, все же изящно опускаясь в кресло.

Я, садясь напротив, начала атаку мощным обстрелом глазами. Лицо мага застыло: похоже, он решил, что у меня нервный тик. Так, ладно, женские чары на него не действуют... а жаль. Тогда я попыталась соорудить максимально умную физиономию. Не то что бы получилась, но Роже пришлось удовольствоваться тем, что есть.

– Расскажи мне о вашем государстве, – жеманно попросила я, больше не пытаясь произнести странное название: и как только Марвии удастся это? Ах, да – она же наполовину анах. У этих голубеньких, наверное, какая-то особенная физиология. Я гаденько захихикала, но, очнувшись, вновь вперила в мага кокетливый взгляд, опершись подбородком на руку: – Должна же я хоть иметь представление, куда собираюсь направиться!

Пока я как могла отвлекала внимание нашего гостя, Марвия стремительной тенью проскользнула к входной двери и

постаралась раствориться. На мой взгляд, у нее это получилось просто великолепно.

Внезапно Роже довольно улыбнулся, встал и определенным образом взмахнул рукой в сторону двери. Щелкнул замок. Я недоуменно посмотрела на дверь, потом на мага. Сердечко екнуло: вскочив, бросилась в соседнюю комнату: там, кажется, была какая-то маленькая дверца... Анах перехватил меня за талию на полпути, развернул к себе лицом и положил мне на плечи руки. Лицо его медленно приближалось, а я опять подумала: «Как же он красив!». Я слегка откинула голову назад, губы мои раскрылись, глаза заволокло туманом... Вокруг нас что-то сверкнуло, и маг так же медленно отстранился. Но рук с плеч не убрал. А я так и осталась стоять, глупо хлопая глазами с приоткрытым ртом, ожидая поцелуя.

Глава 3

Туман рассеялся, и я увидела совершенно другую обстановку... Кажется, меня банально похитили. Волна ярости нарастала во мне. Правда, если честно, то не столько из-за похищения, сколько из-за того, что выставила себя душой, неправильно истолковав его поведение. Так сказать, выдала желаемое за действительное.

Из моего горла вырвался крик гарпии на последней стадии бешенства, я обхватила правой рукой ладонь анаха, лежащую на моем левом плече, и, изогнув ее в определенную сторону, провела прием, следствием которого у обычных людей если не ломается, то выворачивается кисть. Да, не зря, видимо, я так сильно в детстве увлекалась айкидо; пять лет обучения данному виду, так сказать спорта, а для меня и стиля жизни, вбили приемчики буквально под корку в виде рефлексов. И когда я в бешенстве, это дает о себе знать, как нервный тик, помимо моей воли. Проще говоря, я сначала делаю, а потом, может, и подумаю, когда немного остыну.

К чести Роже, надо сказать, он не вскрикнул. Находясь в весьма неудобном и болезненном положении, вместо того, чтобы дергаться, маг наоборот расслабился. По телу мужчины прошла судорога, и он каким-то образом умудрился легко вывернуться из практически безвыходного положения законченного приема. Я вновь пошла в атаку, теперь уже дей-

ствуя не приемами, а стараясь нанести телесные повреждения силовыми методами. Но он был готов к атаке, и все мои выпады разбивались о глухую защиту. Вскоре ему надоело наше импровизированное танго, и он обхватил меня, повернув к себе спиной, зафиксировал мои руки так, что я не могла пошевелиться вообще. А каждая попытка освободиться причиняла мне острейшую боль, но, к счастью, кратковременную. И, вскрикнув в очередной раз в безуспешной попытке освободиться, я обмякла, решив замаскироваться под обморок.

– Ну что, воительница, больше глаза мне выцарапать не хочется? – съехидничал этот хам.

Я скрипнула зубами от злости и пожелала ему счастливой и долгой жизни в месте настолько отдаленном, что отсюда не видать. Как можно витиеватее, разумеется. Мой партнер по стихийной тренировке замолчал, похоже, опять впад в ступор от моей новой выходки. Интересно, анаха кто-нибудь удивлял столько раз на дню, сколько я? Или это мой личный, хоть и сомнительный рекорд в этом мире?

– Ладно, больше нападать не буду, – с трудом выговорила я, почувствовав в теле нарастающую слабость.

– Точно? – спокойно уточнил маг.

Иронизирует, гад. Наверняка знает о последствиях данного приема на испытуемом и тянет время, что бы я вообще пошевелиться не могла.

– Тебе поклясться или перекреститься, или что там у вас

принято? – пробурчала я.

– Да ладно, так поверю, хотя наверняка об этом еще пожалею! – медленно ответил Роже.

Я в ответ только многообещающе хмыкнула, подтверждая его худшие опасения. Но благоразумно оставила сладкое на третье, предпочтя плавно осесть на пол, когда он меня наконец-то отпустил. И обратила внимание на обстановку...

Из моего горла раздался полувскрик-полувздых. Роже заметно дернулся, но, увидев, что послужило причиной таких звуковых эффектов, довольно ухмыльнулся. Да, приятель, а после общения со мной нервишки придется подлечить.

Но мне было не до него, поскольку в это время я во все глаза рассматривала потрясающее по своей необычной архитектуре помещение: шестнадцатиугольная комната с высокими потолками. Что шестнадцати – стало понятно, когда я пересчитала все восемь окон, перемежающихся с цельными плитами узорчатого камня фиолетового цвета. Из всего, что я видела в жизни, он более походил на чароит. Вот только еще и мерцал, словно тигровый глаз. Но даже не это повергло меня в такой восторг: в каждом высоченном окне я видела невероятной красоты заснеженные вершины. Небо на фоне заходящих кроваво-оранжевых солнышек приобрело серебристый оттенок. А снег на вершинах гор упоенно отражал краски заката, напоминая огромную гору пломбира с сочным сиропом, струящимся по желобкам разломов.

Не в силах больше любоваться этой разрывающей мое

чувствительное сердечко красотой, я шагнула по пушистому мягкому ковру черного цвета, оставляя за собой глубокие темные следы в высоком ворсе, который с крайней неохотой принимал прежнюю форму. На каменных стенах были выбиты сцены сражений и мирной жизни изящных существ. То, что изображены не люди, становилось понятно с первого взгляда, как и то, что это творение рук отнюдь не человеческих. Мебель в комнате также выдержана в тонах в диапазоне от нежно-сиреневых до темно-фиолетовых. В глубоком алькове в одной из стен комнаты между окнами стояла огромная кровать с балдахином и занавесками. Стол находился ровно посередине и был вырезан из цельного куска полупрозрачного фиолетового камня с золотистыми искрами по всей поверхности. А окружающие его мягкие пуфики в тон ковру только подчеркивали величественность этого произведения искусства. Вот и вся обстановка. Ни одной двери пока не видно. Несмотря на сгущающуюся за окнами вязкую темноту ночи, освещение в комнате оставалось ярким и равномерным. Казалось, что светится сам воздух.

– Нравится, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Роже. – Это теперь твоя комната. Вы с ней прекрасно гармонируете, – уже более ехидно добавил он.

Я опустила глаза и увидела, что я еще в сценическом костюме! И как умудрялась еще и драться в этом наряде. Со стороны, наверное, смотрелось потрясающе. Я хмыкнула, а потом меня как током шибануло:

– А мои вещи! Мне даже не во что переодеться!

– Не волнуйся, скоро принесут все, что тебе нужно, – иронично произнес анах.

– А как эти «кто-то» узнают мои потребности? – возмущенно спросила я.

– Скоро к тебе придут, изложишь свои нестандартные потребности, – неопределенно ответил он, кажется, даже не пытаясь иронизировать.

На этом он просто пропал. Был... и нет! Я обвела пристальным взглядом всю комнату и убедилась, что двери все-таки на самом деле не видно. Похоже, я затворница, и меня будут навещать только таким эффектным образом. Однако если кто-то заявится без стука, уж не знаю, по какой поверхности они будут стучать, да хоть себе по тыковке! Но я в долгу не останусь! Пусть свои ножки да рожки потом сами собирают.

На этом мои размышления прервал стук в дверь, которая здесь все-таки была, просто искусно замаскирована в узкой нише за гобеленом с изображением снежных вершин.

Я открыла дверь и в комнату вошла красавица. Если к ней подходили другие эпитеты, то ее можно было назвать только еще совершеннейшей красавицей. Абсолютно белые волосы уложены в высокую сложную прическу: заплетенные от края роста волос косы с изящными украшениями перемежались с чисто выбритыми узкими полосками до самой макушки. Сочетание синей кожи и белых кос смотрелось орга-

нично, плюс сверкало и искрилось затейливо-ограниченными красными и синими камнями, да игриво мерцало нежным лоснящимся мехом, похожим на серебристую норку, кусочки которого искусно вплетены в прическу. Огромные оранжево-красные глаза на голубоватом лице занимали наибольшую площадь из когда-либо видимых мной соотношений. Такие глаза только в мультиках рисуют. Прибавьте тонкий кукольный носик и капризно изогнутые пухлые губки, подчеркнутые иссиня-черной помадой, а также сногшибательную фигурку. Если бы я была мужчиной, то сейчас тихонечко бы поскуливала у ног незнакомки, пусть даже она больше походит на инопланетянку из кинофильма. Я же, немного полюбовавшись творением неземной природы, спросила вполне твердым голосом:

– Кто ты, и что от меня нужно? – Немного грубовато, но кратко и по сути.

– Я Харле’ана, жена порфириноса Лив’утвао. Пришла спросить, не нуждаешься ли ты в чем-нибудь.

Я хихикнула:

– Уж никак не думала, что сама королева занимается подобными пустяками. Или у вас тут напряг со слугами?

– Да нет, скорее некоторый переизбыток, – Харле’ана вдруг неожиданно мягко усмехнулась, – просто мне было интересно на тебя взглянуть.

– Что на меня любоваться, не диковина чай. Или людей не видела? – буркнула я, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Не злись, – примирительно ответила красавица. – Я хотела спросить, не желаешь ли прогуляться со мной. Я бы показала свою вотчину и изложила суть проблемы, из-за которой, собственно, тебя и пригласили сюда.

Пригласили, блин, я не стану молчать!

– Вообще-то я считаю, что меня похитили! – зло прошипела я, сжав кулаки.

Она опешила, как приятно наблюдать выражение растерянности на нечеловечески красивом лице! Правда, Харле’ана быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

– Ты, наверное, не так поняла... – начала было она.

– А что тут понимать, ваш маг ворвался ко мне в комнату и, воспользовавшись тем, что моя подруга вышла, телепортировал меня сюда против моего желания! – еще больше вспыхнула я.

– Теле... чего? – опешила Харле’ана, но опомнившись, заученно спокойно продолжила: – Возможно, он слегка поторопился и превысил свои полномочия, но только потому, что проблема на самом деле очень важна. Я бы сказала, нам жизненно необходима твоя помощь, – терпеливо добавила королева, печально качнув прекрасной головкой.

– Ладно, – сдалась я под ее мягким взглядом, – мне нужно платье, но без корсетов и прочих садистских конструкций, а также обувь, белье и горячая ванна. И через двадцать минут я в вашем распоряжении.

Она кивнула, ничем не выдав удивления по поводу незна-

комых слов, и, степенно шагая, вышла, а я устало легла прямо на мягкий ковер, подозрительно покосившись на королевское ложе, скромно именуемое кроватью. Столько впечатлений за короткое время, даже странно, что более-менее спокойно все воспринимаю. Как во сне.

Оказалось, я действительно заснула, причем так, что меня не разбудили, когда перетаскивали на кровать. И даже не потрудились это сделать, когда раздевали. Так что первое, что я сделала при пробуждении – возмутилась! Когда открыла глаза, зажмурилась от солнышка. Отвернувшись в другую сторону, тут же зажмурилась от второго. Ах, вот в чем дело: допрыгав до окна босая и в длинной шикарной полупрозрачной сорочке, я увидела, что на улице давно день и веселые солнышки развлекаются, подсматривая за иноземкой в различные окна. Я потянула на себя стекло за обнаружившуюся тут же ручку и вдохнула полной грудью свежий воздух с легким привкусом озона. Ну да, все правильно, я же в горах. И попыталась рассмотреть что-либо на улице, щурясь от ярких солнечных зайчиков, играющих наперегонки, отражаясь лучиками от множества продолговатых окон, вырубленных прямо в скалах.

А посмотреть было на что. Внизу, под балкончиком, на который я выскочила, не задумываясь, обнаружилась самая настоящая пропасть, судя по всему, бездонная, хотя скорее всего мои гляделки просто не в силах рассмотреть пресловутое дно на столь отдаленном расстоянии. На сколько про-

стирался взгляд кругом виднелись горы, да не просто горы, а заснеженные пики. В соседних горах даже очень далеко можно было разглядеть точно такие же окна, выходящие на небольшие балкончики. Некоторые пики украшены мостами, соединяющими вершины между собой. Таких изящных мостиков имелось в избытке. Смотрелось, как будто титаны многие века оплетали горы в замысловатое кружево. Судя по всему, вершина, в которой я сейчас находилась, самая высокая с этой стороны гряды. Из окна напротив кто-то выглянул, и, сыграв живую пантомиму «бурное удивление», быстро ретировался обратно. Я решила последовать примеру и тоже вошла в комнату: все-таки в ночной рубашке в горах несколько прохладно. А если честно, я мгновенно замерзла до костей.

И тут увидела, что гобелен, изображающий сцену из жизни драконов, откинут, а за ним находится узкий коридорчик с лестницей, ведущей вниз. Да, похоже, в моих умственных способностях тут не сомневаются, прекрасно зная, что их нет, вот и тыкают носом, как котенка. Что ж, посмотрим, куда нас приглашают. Я пошлепала босыми ногами по прохладному камню и попала в небольшое помещение всего с парой узеньких окошек.

Это оказалась ванная, выполненная в совершенном голубом цвете. Присмотревшись, я увидела, что стены выложены мелкой плиткой из круглых камешков, немного похожих на бирюзу. Да, керамика здесь не в почете. Анахи с

большим рвением используют в интерьере полудрагоценные камни: признак ли это богатства, или просто булыжники де-вать некуда – оставалось только догадываться. Ванна была тоже, естественно, каменная, выточенная из цельного куска бледно-зеленого цвета, слегка полупрозрачного, в виде цветка кувшинки. Большой такой кувшинки, в которую я могла влезть целиком, что с удовольствием тут же и сделала, поскольку ванна была наполнена горячей ароматной водой. От нее пахло озоном, словно воду только что растаяли из большого куска льда с вершины... хотя, возможно, так оно и было. Немного понежившись, я быстро вымылась и облачилась в чистую одежду, которая лежала аккуратной стопкой на небольшом столике. Посмотревшись в зеркало, осталась довольна: нежно-розовое платье облегло талию и мягкими складками струилось до пола, фигурное декольте выгодно подчеркивало грудь и оставляло руки свободными. Мягкие кожаные туфли на пятисантиметровом каблучке были удобнее тапочек. Я расчесала свои длинные пепельно-русые волосы и повернулась на стук в дверь.

Я разрешила стучащим войти и положила резную костяную расческу. Выпрямившись и откинув с лица водопад шелковых волос, повернулась к вошедшим. То есть, к вошедшему. На пороге стоял высокий зеленоглазый мужчина с фиолетовым оттенком полупрозрачной кожи, который буравил меня странным взглядом, под которым становилось неуютно. Посередине абсолютно лысой головы забавно топорщил-

ся невысокий ершик серебристых волос, напоминая родных панков. С той лишь разницей, что у цвака (а это оказался именно он) ершик переходил в широкую косу. И оставалось только догадываться: то ли волосы цваков были настолько толстыми, то ли это типа парика, для красоты.

– Слушаю, – несколько напряженно сказала я, пытаюсь вовлечь высокого блондина в разговор.

Но цвак упорно изображал статую, не отрывая от меня критичного взгляда. Воздух вокруг постепенно наполнился электрическими вспышками, а я, к своему изумлению, оказалась в центре сияния...

– Ривизэль! – Окрик прозвучал как-то предупредительно и угрожающе одновременно, и голос этот был до боли знаком.

И правильно, за незнакомцем обнаружился Роже в вечном черном плаще: он что, даже спит в нем? Цвак вздохнул и, как бы с силой оторвав от меня взгляд, почти дружески улыбнулся Роже. Сияние постепенно пропало.

– Прости, друг, не удержался, – виновато протянул он.

Правда, на лице если и было написано сожаление, то только тем, что Роже пришел весьма невовремя.

– Перемещайся в зал совещаний, – хмуро буркнул анах, не питая иллюзий по поводу цвака.

Тот пожал плечами и исчез. Роже подошел, медленно оглядел с головы до ног, чему-то довольно кивнул и, положив ладони мне на плечи, мягко привлек к себе. Я уже не обольщалась и, вздохнув, приготовилась к перемещению.

Вспышка, и мы стоим посреди цветущей поляны, края которой терялись в склизком тумане.

– И куда ты меня на сей раз притащил? – с вызовом спросила я, кидая выразительный взгляд на его руки, все еще лежащие на моих плечах.

Маг быстро их отдернул, будто обжегся, завел за спину и ответил:

– Мы в зале совещаний. Только пока немного в стороне, но нас скоро позовут.

– В зале? – я задумчиво окинула поляну. – Это иллюзия?

– Нет. Эта поляна находится в кратере бывшего вулкана. Используется как зал совещаний и для встреч на высшем уровне, так как из-за природных магических особенностей именно этого вулкана разговор, проведенный здесь, невозможно подслушать ни обычным, ни магическим путем.

Он резко замолчал и направился в сторону тумана быстрым шагом. Шагов через десять обернулся и, увидев, что я все еще стою на месте, ехидно поклонился и сделал приглашающий жест:

– Не желаешь присоединиться к беседе?

Шагов через тридцать туман нехотя расступился, и я увидела широкую площадку, выложенную каменной мозаикой, на которой стоял круглый стол в форме бублика. В центре восседал невероятно тощий мужчина с темно-синей кожей и колючими глазами на жестоком лице. Вокруг стола сидели представители цваков и анахов. Среди присутствующих я

заметила недавнего цвака и королеву, которая единственная мне улыбнулась. Остальные смотрели на меня настороженно и оценивающе одновременно. Роже галантно помог сесть за стол и, неожиданно ободряюще улыбнувшись, опустился рядом. Тишина продолжалась, теперь она начала отзываться звоном в ушах. В голове было пусто и что-то тихо гудело, словно первый шмель ранним утром решил полакомиться нектаром. Я догадалась, что меня сканируют. Звон закончился внезапно, а старый анах в центре усмехнулся.

– Можем ли мы рассчитывать на твою помощь, колдунья? – громом прозвучали его слова.

Я слегка оторопела.

– Ч-чем... помочь? – Надо срочно что-то делать с голосом, а то мой писк вызывает недоуменные взгляды. Я прочистила горло и продолжила уже твердым голосом. – Объясните, пожалуйста, чем я могу помочь вам.

«Таким всесильным, всемогущим и всезнающим магам из иного мира?!»

Похоже, мысль мою услышали все, так как некоторые лица пораженно вытянулись, а у других в глазах без зрачков заиграли смешинки.

– Ты, Мастер Танца Стихий! – словно обвинил меня старик. – Можешь ли ты помочь нам остановить войну? – Интересно, этот невозмутимый анах – так называемый порфиносец?

И где же его порфира?

– Каким образом? Встать на амбразуру? – саркастично усмехнулась я. – Я ровным счетом ничего не понимаю в войнах, да и вообще насилие не приемлю.

– Рож’иальяр Л’ладаргра! Зачем ты привез девчонку, которая не умеет пользоваться своей силой? Зачем ты внушил нам ложную надежду?! – порфиросец жестко смотрел в глаза Роже.

Тот не отвел взгляда:

– Я уверен, что она нам поможет, – без колебания ответил он.

– Объясни, что стало причиной для подобной уверенности! – старый анах сжал кулаки.

– За несколько унов⁸ она без особых энергетических затрат остановила злобу и ненависть в сердцах жителей Валрада и его окрестностях, – просто ответил маг, словно не замечая гнева порфиросца.

– Знаю! Весть об этом пролетела сразу же среди всех разумных рас. Но я теперь понимаю: это вышло стихийно, она не управляет своей силой! – анах обвиняюще указал на меня пальцем.

Я поцокала языком: не обучали их хорошим манерам поведения! Цвак сузил глаза и нахмурил свои седые брови: читает мысли, редиска.

– Я научу ее. Завтра назначим испытание, – все так же бесстрастно отвечал порфиросцу Роже.

⁸ Уна – единица времени, примерно полторы минуты.

– Хорошо, – прозвучало, словно мне вынесли приговор.

По тону я поняла, что на сегодня разговор на тему моей персоны окончен, и облегченно вздохнула. Роже встал и потянул меня за руку. Я безропотно прошла десяток шагов, потом вдруг очнулась и набросилась на него с вопросами:

– Так с кем война-то?

– С цваками, – спокойно ответил Роже.

– Это с теми фиолетовыми панками, представители коих сидели с нами за одним столом?! – хихикнула я. – Вы делитесь с ними планами очередной военной вылазки в тыл врага, чтобы они подготовились, и вам не было скучно на месте? Правильно, а то непорядок: нападаешь на врага, а эти противные сидят дома и чаек попивают...

Маг взглянул на меня так, что смех застрял в горле:

– Скоро ты все поймешь, – тихо сказал он.

– Куда направляешься, Роже? – Ривизель возник рядом так внезапно, что я подпрыгнула на месте, с трудом сдержав крик.

Цвак холодно усмехнулся тонкими губами.

– Ты вовремя, Ривизель, я хочу отвести вас к ним...

Цвак понимающе кивнул. Вид у него стал донельзя угрюмый. Роже положил нам на плечи руки и медленно приблизился. Опять двадцать пять: вспышка и новые декорации. Очень мрачные, смею заметить. Полутемное освещение комнаты все-таки позволило разглядеть прутья клетки. Роже сделал пасс рукой, и комната наполнилась светом. Я вздрог-

нула.

В клетке находились цваки, бывшие когда-то фиолетовыми. Сейчас язык бы не повернулся их так назвать: кожа существ приобрела кровавый оттенок, словно они искупались в крови, и та запеклась, обозначив иссушенные края разводов и наплывов багровой жидкости. Вдобавок, оборванные, грязные, с кругами под глазами и оскалами, сделавшими бы честь любому вурдалаку. В зеленых, как у стрекоз, глазах читалась жажда убийства, а когда они увидели Роже, розовая пена обильно пошла у них изо рта. Они все полезли в его сторону, цепкие руки протягивались сквозь прутья, пытаясь дотянуться... Они давили друг друга в этом стремлении. Я поежилась:

– Что с ними?

– Проклятье. Кто-то вложил в них одно стремление – уничтожить всех анахов, – грустно ответил он: в глазах мага явно читалась жалость к пораженным магией существам.

– Роже, я все же хочу найти его! – с неожиданной болью в голосе произнес Ривиэль.

– Не стоит, друг, ты ему ничем не поможешь, – отрицательно покачал головой анах.

– Кого вы хотите найти? – тихо спросила я, не надеясь, впрочем, на ответ.

– Моего брата, – нехотя ответил Ривиэль. И резко повернулся ко мне, так что я отшатнулась, столько скорби было в его глазах. – Теперь ты понимаешь, *как* нам необходима

помощь! Всем! Проклятье распространяется очень быстро, словно болезнь, но только неизвестным способом. Скоро оно поглотит всех цваков и начнется война, в которой не будет победителей.

Он метнулся к прутьям, а Роже с испуганным криком попытался его оттащить. Безумные цваки каким-то образом умудрились схватить обоих в свои цепкие объятия. Они попытались разорвать тела друзей в клочья прямо руками: брызнула кровь, какие-то мгновения... Не знаю, что произошло. Я вдруг закричала и, сделав па с разворотом, мягко послала руки волной. Эльфов за прутьями словно смело небольшим смерчем, и они затихли кучей неподвижных тел в дальнем углу клетки. Сглотнув, я пыталась осмыслить собственную выходку.

Ребята хрипели и сплевывали кровь, вполне красную, как и в моем мире, одновременно шаря по телам, пытаясь оценить ущерб своему здоровью. Я, отменяя все размышления, бросилась к Роже со слезами на глазах.

– Помоги Ривиэлю, – прохрипел он, отшатнувшись, – я более-менее в порядке.

С сомнением посмотрев на него, я все же неохотно подошла к высокомерному цваку и неосознанно сделала пасс рукой, похожий на движение со свечой: та не должна упасть или потухнуть в этом движении, так что кисть надо было выворачивать очень аккуратно и быстро. Цвак стал дышать равномернее, лужа крови под ним более не расползлась. По-

мутневшим взглядом он посмотрел на меня исподлобья:

– Спасибо, чужачка, – и рухнул в обморок.

– Он потерял много крови, но ты спасла ему жизнь, – хрипло сказал анах.

Я непонимающе смотрела на свои руки и повторяла недавнее движение, но ничего больше не происходило. Нервно хихикнув, подумала, что или сошла с ума, или кто-то управляет моим телом. Роже похромал ко мне и бесчувственному цваку. Приблизившись, он с облегчением вздохнул и обнял нас за плечи. Вспышка.

Глава 4

Мы оказались в прежней комнате, куда меня определили на постой гостеприимные анахи. Роже оттащил цвака, все еще находящегося в отключке, на широкую кровать и, ни слова не говоря, прошел в ванную. Послышался всплеск и звуки воды, льющейся на пол. Вот нахал, он еще и в ванну залез, прощай, вечерний расслабон! Я махнула рукой, прибавив пару словечек позаковыристее для успокоения себя любимой, и осторожно подошла к кровати. Цвак лежал бледно-фиолетовый и, казалось, что безжизненный. Под полупрозрачной кожей я без труда могла разглядеть все кровеносные сосуды. Поняв, что такой загадочный оттенок коже придавали именно сосуды, а сама кожа просто прозрачна, я осторожно прикоснулась к запястью цвака: пульса не было. Сердце тяжело бухнулось в ребра. Я быстро наклонилась к нему, стараясь уловить дыхание, когда сзади раздался насмешливый голос:

– Наш красавчик сейчас не в состоянии выразить благодарность за внимание и ласку! – Я отпрянула от цвака и залилась краской.

От гнева, разумеется! Чего это он подумал! От возмущения не смогла сказать ни слова, да и не собираюсь я перед ним оправдываться, какого...

– Да, ладно, не красней, – понимающе усмехнулся анах,

вытирая обнаженный торс полотенцем: я сглотнула, любуюсь перекатами упругих мышц под атласной кожей цвета индиго, – помоги мне лучше привести Ривизеля в более-менее нормальное состояние, чтобы его дружки не закатили нам межрасовый скандал. На фоне происходящего любая мелочь может развеять шаткую иллюзию мира.

– Он, кажется, не дышит, – прохрипела я, с трудом справляясь с непонятными мне самой чувствами, – как бы не пришлось могилу копать.

– Это было бы крайне неприятно: копать в горах могилу дело небystрое, уйдет пара сот⁹ со сменой лопат, – иронично ответил анах, оборачивая мягкой тканью роскошную гриву черных волос.

Затем, небрежно забросив использованное полотенце в угол, маг приблизился. Я неосознанно шагнула навстречу, но потом опомнилась и с преувеличенной заботой посмотрела на цвака.

– К тому же, иногда и этот прохвост пользу обществу приносит. Да и отец Ривизеля меня по головке не погладит, за то, что не уберег его драгоценное, но глупое чадо, – неожиданно подмигнув, добавил анах. – Выхода нет, надо спасать.

– Я серьезно, посмотри, он... – проблеяла я, стараясь спрятать от мага глаза.

– Да успокойся, – уже без иронии, даже несколько раздраженно сказал Роже. – Жив он. – И добавил ехидно: – Мерт-

⁹ Сота – год в мире, сто дней.

вые цваки так активно не шевелят ушами, прислушиваясь к разговору. Ривиель, что ты хочешь услышать о своей персоне? Любят ли тебя девушки? Или будет ли старый больной анах рыдать над твоей могилой?

– Дождешься от тебя! – Раздался слабый голос Ривиэля. – Скорее, действительно девушки разлюбят. – Цвак так многозначительно посмотрел на меня, что я фыркнула и, резко развернувшись, ушла в ванную комнату.

Там я, беспрестанно ворча про наглых фиолетовых чудиков и тупых от природы голубков, наполнила тазик теплой водой и захватила пару полотенец в комнату. Роже уже успел раздеть цвака. Судя по тому, что на нем осталось, многое из одежды пришло в негодность. Точнее все. Я не ожидала такого откровенного зрелища, поэтому опять покраснела, но, собрав остатки сил, постаралась не уронить таз с водой. Не доставлю я им такого удовольствия. Они и так оба на меня глядели во все глаза, ожидая определенной реакции. Я же сделала вид, что лицезрение обнаженных прекрасных мужских тел входит в мой ежедневный распорядок дня, со скучающим видом поставила таз, подала мокрое полотенце Роже и обмакнула в воду свое. Отжав тряпку, я повернулась в сторону этих наглых типов и сказала:

– Ну?! Чего уставились? Ривиэль, тебе по сценарию положено изображать смертельно раненого! Роже, тебе надо осторожно обмыть раны друга, дабы проводить его в последний путь чистым и ухоженным! – И с размаху всучила ему в сво-

бодную руку мокрое полотенце.

– Мел, а что по сценарию будешь делать ты? – похоже, Роже опешил от моей наглости.

– Тушить пожар, который вы устроили в моей комнате! – проворчала я, довольная эффектом.

И обвинительно указала рукой в сторону чудо-стола, на котором догорало нечто окровавленное, подозрительно похожее на испорченную одежду этих двоих. Черный едкий дым подкрадывался к нам вредным котом, чтобы пощекотать нос невероятно противным запахом горелой ткани. Чихнув, я позеленела и бросилась к ближайшему окну. Распахнув его, с наслаждением вдохнула морозный воздух и оставила окно распахнутым, позволяя сквозняку хозяйствовать в комнате.

– И, кстати, как вы пойдете отсюда, голышом? – отдышавшись, я, кажется, начинала злиться.

– Мел, не ерпенься, голый у нас только Ривизель, а я... – начал было Роже.

– А ты в одних дырявых подштанниках! Что хотите делаете, я больше в этих играх не участвую! Ты и сам справишься, ты же у нас вроде как великий маг, – буркнула я, исподлобья бросив взгляд на анаха, стараясь при этом не слишком любоваться его превосходным сильным телом.

– Я верховный маг, – поправил Роже, между делом успешный обтереть друга. – Но я еще и взял на себя тяжелую ношу учителя. Так что, не отлынивай от своих обязанностей! Урок

первый – вылечи цвака.

Мы с Ривизэлем устали на Роже, причем оба с ужасом!

– Но, но... – что-то проблеял сильно побледневший мужчина: кровеносные сосуды стали видны еще отчетливее, превращая цвака в анатомическое пособие.

Тем более, судя по тому, что я увидела, устройство цваков не слишком-то отличалось от человеческого. Но попытка больного воззвать к сочувствию анаха не удалась, Роже уже тащил меня к кровати, так что Ривизэль успел только прикрыться мокрым полотенцем. Видимо, пытаюсь оградить от моих действий самое дорогое.

– Но, что я... Я же не умею! – отчаянно сопротивлялась я.

Роже же спокойно поставил меня перед оцепеневшим от безысходности цваком и лекторским тоном произнес:

– Ну ты же как-то спасла ему жизнь, причем бесконтактным способом. Значит, колдовала, логично? Вспомни свои действия и ощущения в тот момент и попытайся их повторить. Для начала...

– Вы знаете, мне вдруг стало намного лучше, – уверенно сказал цвак, пристально наблюдавший за моей растерянной физиономией. – Пожалуй, я даже сам до своей комнаты дойду. Правда-правда!

В стрекозьих зеленых глазах цвака читалось, что он готов в настоящем виде дойти и до самого своего дома, лишь бы отказаться от услуг такого «доктора», как я. Да уж, жить захочешь, еще и не так раскорячишься!

– Ладно! – неожиданно для самой себя решила я, – в конце концов, это же твой друг.

Круглые от ужаса глаза цвака забегали в поисках спасения. Я резко выдохнула, зажмурилась и попыталась повторить свой пасс, сосредоточившись на создании нужного настроения. И тут четко поняла, что данный пасс вызывал стихию жизни и стихию смерти. Подумала, что этого недостаточно, и продолжила уже обеими руками. Веерообразные движения пальцами мягко переплетали стихии. Словно некто мудрый шептал мне на ушко простые истины незнакомого мира. Я вдруг осознала, что стихия смерти затягивает раны, а стихия жизни исцеляет их. То, что нужно.

Я приоткрыла один глаз: цвак все еще дышал! И как дышал! Только у него были подозрительно большие глаза: теперь они занимали почти половину донельзя удивленной физиономии. Я перевела взгляд на рваные раны на его теле... точнее, на то место, где они были. Там остались красные рубцы, будто раны зашил искусный врач, причем неделю назад. Перевела внезапно затуманившийся взгляд на Роже. Тот выглядел подозрительно довольным. Туман в моих глазах густел...

Когда я открыла глаза, оказалось, что мы с Ривиэлем поменялись местами. Теперь они с Роже нависали надо мной.

– Ну что? На ком следующем будем проводить полевые испытания? – слабым голосом спросила я.

Друзья заулыбались и помогли мне подняться. Я замети-

ла, что мужчины уже оделись.

– У меня постшочковые глюки или вы успели ограбить проходящих мимо придворных? – поражено уточнила я.

– Ни то, ни другое, Мел. Я просто перенес сюда содержимое своего шкафа.

Роже показал на кучу одежды, валяющейся на полу.

– Не надейся! Жить с тобой я не буду! Уноси отсюда свои манатки! – закричала я, срываясь на визг от едва сдерживаемого смеха.

Анах застыл столбом и захлопал длинными, как у бабыши, ресницами. А мы с цваком переглянулись и залились слегка истеричным смехом. Роже понял, что это шутка, и терпеливо ждал, пока мы успокоимся. Но почему-то его невозмутимая физиономия только подливала огонь в наше веселье. Мы с цваком уже стекли на пол и тихо хрюкали в обнимку.

– Один-один, – все еще хихикая, произнес Ривизель и помог мне подняться.

Я утерла слезы и посмотрела на него, скорчив максимально зверскую физиономию:

– Осталось отомстить тебе.

– Какая ты грозная да мстительная! С ума можно сойти от восхищения! А с чего ты так завелась? Что плохого мог сделать тебе скромный и обаятельный цвак, коим я являюсь?

Я только вздохнула и скорчила скептическую моську. А за спиной раздался скучающий голос Роже:

– Если вы закончили паясничать, то я хочу продолжить обучение. Урок второй – ты должна повторить свой танец для тех несчастных. Надеюсь, я не ошибся в противоядии.

– А вот это не получится при всем моем желании! – преувеличенно довольным голосом сказала я, да еще и язык голубку показала для пущей важности.

– Что тебя заставляет так думать? – удивился Роже.

– А то, что скоммуниздив мою драгоценную персону, ты не позаботился о моих вещах! Или то, что мой плеер остался там, ничего тебе не говорит? – уперев руки в бока, я наседала на удивленного мага.

– Нет, не говорит, – подумав, сказал он. А потом осторожно спросил: – А что это – плепер?

– Плеер! Он проигрывает мелодию! А без музыки я не смогу станцевать так же! – торжественно продекламирровала я.

Анах немного расслабился и натянуто улыбнулся:

– Музыка не при чем. Тебе должно хватить мелодии твоего сердца, твоей души. Вспомни, что ты тогда чувствовала, о чем думала. Продолжительность и сила этих эмоций может сыграть большую роль, чем идентичность движений.

Я посмотрела на него и вспомнила... Все заволкло дымкой, я видела только его невероятные глаза, как тогда...

– Отлично, Мел, похоже, это то, что нужно. Не теряй ощущения, поддерживай это состояние. А теперь вслушайся в свое тело, оно подскажет нужные движения, – тихо, словно

боясь спугнуть нежную бабочку, прошептал Роже.

Откуда-то словно изнутри меня раздалась божественная музыка, полился свет. Я опять танцевала для этих волшебных глаз цвета редкого янтаря. И снова пели птицы, цвели цветы, радуга переплеталась с шелком моих волос... «Мел, Мел». Прошла бесконечно долгая секунда, и я смутно различила две фигуры, потом знакомую обстановку. Ощущение мира возвращалось ко мне очень медленно. Мужчины что-то говорили, активно жестикулировали, комната заполнялась народом, что-то происходило. Но меня это не касалось, мне было покойно и хорошо где-то там... Там, где была любовь.

«Мел! Возвращайся!», – Зачем, думала я, зачем куда-то возвращаться...

И тут меня резко дернуло в завихрение эмоций, причем моих эмоций, таких сильных, красочных! Я моргнула и с шумом втянула воздух. Носом, так как мой рот был несколько занят. Роже целовал меня, как показалось, максимально старательно и с некоторой претензией на страстность. Я отчаянно забила в его объятиях. Анах вздрогнул и отпустил. Кажется, он несколько увлекся, поэтому упустил момент моего возвращения. Нет, конечно, я бы и не подумала сопротивляться, если бы он целовал меня по-настоящему. Но я почему-то была уверена, что он просто применил максимально простой и эффективный способ вернуть загулявшую в грезах из астрала. Удивляюсь, что он не переложил эту тяжелую

обязанность на цвака. Грустно улыбнувшись своим мыслям, я, наконец, обратила внимание, что мы в комнате совсем одни.

Немного подумав, я залепила магу пощечину: пусть или целует по-настоящему, или не лезет вообще! Анах бесстрастно принял удар как должное, даже не пытаясь уклониться.

– А где все? Кажется, тут была куча народу, – растерянно спросила я, не ожидая такой реакции.

Точнее, я ожидала хоть какой-то реакции.

– А, ты все-таки помнишь, – Роже утомленно опустил на мягкий пуфик.

Я села прямо там, где стояла, то есть на ковер, не в силах дойти до другого. А опуститься на колени к мужчине, как бы ни хотелось, после случившегося не смогла.

– Ты их вернула! – просто ответил верховный маг. – Всех! То есть, не только этих эльфов, что ты видела, а всех, кто был на расстоянии десятка калонов¹⁰ вокруг. Из засад выскочили многочисленные шпионы и покаялись в своих грехах ближайшим анахам. Все в восторге! Обучение закончено, ты прошла проверку.

Я устало кивнула, сладко потянулась на ковре и провалилась в глубокий сон.

¹⁰ Калон – мера длины, примерно верста.

Проснулась я, когда оба солнца уже стояли высоко: прямо над вершиной той горы, в которой находилась моя комната. Это стало понятно потому, что ни в одном окне на ярком белесом небе не было видно ни одного оранжевого светила. Еще доброе, но уже давно не утро. Находилась я в кровати и, конечно же, опять в ночнушке. Ух, попадись мне тот, кто меня практически бесчувственную переодевает, глаза повыцарапаю. Я подняла голову и огляделась. В комнате никого не было. От вчерашнего разгрома не осталось и следа. Уж не приснилась ли мне вся эта история с эльфами? В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату ввалилась небольшая толпа. При ближайшем рассмотрении оказалось, что толпа состояла из двух уже до коликов знакомых проходимцев и еще парочки фиолетовых цваков сверх программы. Видимо, дабы отличаться от Ривизеля, один из панков носил оранжевый ирокез, второй – ядовито-зеленый. Развеселая компания сгрудилась у моей кровати. Я натянула одеяло до подбородка, так как ночнушка отличалась уж излишней прозрачностью, больше подчеркивая, чем что-то скрывая. Ривизель, от которого не укрылось это движение, легко присел ко мне на кровать и подмигнул:

– Я думаю, нам уже незачем что-то друг от друга скрывать!

Компания обалдела и притихла. На лице Роже отразилось недоумение, типа, когда же вы успели. Я решила раз и навсегда разобраться с наглым цваком:

– Это только тебе нечего от меня скрывать, бесстыдник! Но, тем не менее, я попрошу тебя впредь сдерживать свою гиперсексуальность в большем количестве слоев одежды и не пытаться соблазнить меня своей неземной красотой, потому как в следующий раз, если тебя угораздит попасть в беду, голому тебе я помогать ни за что не буду!

Но этот нахал продолжал нежно улыбаться и смотреть на меня своими масляными глазами цвета первой листвы... в моем мире, так как здесь растительность отличалась более агрессивными оттенками. Вот уж точно, как с гуся вода. Я с мольбой посмотрела на мага. Тот, все-таки смилостивившись, перестал хихикать над сценкой «неприступная девица» и потащил всех из комнаты. Хлопнула дверь. Я облегченно вздохнула и торопливо выскочила из-под одеяла. И натолкнулась на взгляд Роже, весьма красноречивый. Мои ноги словно приросли к полу. Через минуту он перевел взгляд на мое лицо и совершенно серьезно сказал:

– Да, Ривиэль много потерял. Если бы он остался, то уж точно вам обоим не было бы чего еще друг от друга скрывать.

Я вспыхнула до корней волос и, бросив в наглеца подушкой, метнулась в сторону ванной.

Через десять минут, одетая и причесанная, но все еще донельзя смущенная, я резво избежала по крутым ступенькам

и вошла в комнату, в которой уже давно гудели голоса. При моем появлении воцарилось молчание. Ривиэль тут же вскочил и, взяв под руку, усадил подле себя. Я мельком взглянула на Роже. Лицо его ничего не выражало, взгляд был отрешен. Казалось, он и не заметил, что я пришла.

Впрочем, лица у всех выглядели донельзя серьезными: это были уже не те балагуры, что ввалились ко мне полчаса назад.

– Что-то случилось? – спросила я, мой голос внезапно стал хриплым.

– Война случилась, – тихо произнес Роже и, посмотрев мне в глаза, добавил: – Проклятье сработало окончательно, охватив сразу всех цваков. Кроме тех, кто находился в радиусе десятка калонов отсюда, а также в Валраде. Этих ты спасла.

* * *

Два новоприбывших цвака оказались из числа недавно исцеленных. Это брат Ривиэля и его друг. Друзья торжественно объявили, что нас отправили на задание под кодовым названием «осчастливь цвака» впятером. Я – как рабочая лошадка, Роже – магическая поддержка, цваки в качестве живых щитов. Причем добровольных: мой поклонник клятвенно обещал ограждать меня своим горячим телом днем и ночью. Я уже устала отбиваться от ухаживаний Ривиэля и в от-

вет только нервно огрызнулась.

Брат Ривиеля прочитал мне лекцию на тему, как он рад, что в их семье появился такой замечательный чужак как я. И хотя цваки обычно против таких союзов, для Мастера они с удовольствием сделают исключение. На мои слабые возражения, что, дескать, я и не собиралась пополнять их семью своей особой, никто не обратил ни малейшего внимания. Я уже вообще не понимала, что происходит. Роже, кажется, поддерживал эльфа в его стремлении вскоре обзавестись парой-тройкой маленьких полукровок. Я же была просто в бешенстве от реакции анаха. Неужели установившаяся между нами в первую же встречу такая волшебная потусторонняя связь была плодом моего неумного воображения?

Начались бестолковые сборы: порфиросец толкнул речь минут на сорок о мире во всем мире, но порфирой своей, как бы она ни выглядела, к моему сожалению, при этом не потрясал. Ривиель постоянно крутился рядом, и я уже даже не огрызалась. Поскольку было все равно. Внутри как будто что-то сгорело, стало пусто и тоскливо. Но подобное состояние окружающие списали на форс-мажорные обстоятельства, тем более что эти самые обстоятельства, собственно говоря, никому настроение не повышали.

Мужчины взялись за руки и встали вокруг меня. Слаженно запели, как будто полжизни работали в церковном хоре. Мозг отказывался принимать информацию: хоть я и понимала отдельные слова, смысл песни ускользал; должно быть, это

было заклинание перемещения групп, судя по эффекту. Свет рождался внутри их тел и с каждым словом становился ярче, накрыв в конце и меня облаком. Когда краски потускнели, мы оказались в каменном мешке с низким нависающим потолком. Было сыро, в нос ударил запах пожухлой травы и еле заметный кислый запах гниения. Из небольшой пещерки с влажными камнями стен открывался вид на огромное поле, поросшее низкой багровой травой. Цваки тут же выскользнули наружу. Ривиэль объяснил, отвечая на мой немой вопрос, что они будут охранять подступы к нашему небольшому партизанскому отряду. Лагерь цваков, подвергшихся проклятию, находился совсем рядом, и Ривиэль решил разузнать планы темной армии. Он торопливо чмокнул меня в нос и исчез вслед за товарищами.

Я же поежилась от промозглого холода, с дикой радостью набросившегося на мои оголенные плечи. Да и легкое платьишко не могло защитить тело от сырости, царившей на свежем воздухе. Ну вот, как всегда, экипировочка у Мастера страдает. Конечно же, я привыкла к небольшим неудобствам: иногда выступать приходилось в совсем нереальных условиях, даже порой зимой на снегу, поэтому мы всегда глотали перед выходом какую-нибудь горячую гадость из аптеки, чтобы потом не загреметь в больницу с пневмонией. Здесь же подобных удобств не было, местные знахари могли бы предложить только отвар из местных трав... хотя, кто знает – может статься, такое лечение гораздо эффективнее.

Пока я, синее от холода, предавалась воспоминаниям, от природы синий Роже уже расчистил от мелких камней небольшую площадку и принялся устанавливать по кругу черные магические свечи. Полюбопытствовав «зачем?», я услышала в ответ, что сие действие необходимо для усиления моей ворожбы, чтобы уж точно покрыть как можно большее пространство мира. Я хотела узнать, как он рассчитал диаметр нужного круга, но тут в пещерку ворвался пронырливый Ривиэль. Он бросил ироничный взгляд на ползающего по кругу Роже, а затем торжественно сообщил мне, что наступление на анахов назначено на утро. И, весело подмигнув, тут же умчался обратно. Похоже, чокнутому цваку вполне по вкусу подобные приключения. Меня же стал бить озноб.

– Роже! Мне кажется, я не справлюсь. Я какая-то пустая, ничего не помню, не испытываю никаких эмоций. Во всяком случае, положительных, – я потянула анаха за капюшон, отвлекая от нелепого занятия: анах в который раз медленно обходил созданный круг, придирчиво рассматривая его и чуть поправляя антрацитовые свечи.

Похоже, я сорвалась на скулеж.

– Соберись, Мел! От тебя сейчас зависит судьба двух народов. Причем, от судьбы одного из них напрямую зависит твое счастье, – отмахнулся маг, не прерывая движения.

Я растерянно выпустила натянувшуюся ткань из рук и, вскинув голову, вопросительно посмотрела на него, недоумевающая над последней фразой.

– В смысле? – сердце сладко замерло от возродившейся надежды: а вдруг он скажет, что когда все закончится, мы сможем быть вместе?

Маг раздраженно передернул плечами: мол, зачем спрашивать про очевидные вещи! Потом, обреченно вздохнув, попытался объяснить:

– Если... Нет! *Когда* все у нас получится, ты заживешь счастливо с Ривиэлем. Его народ воспримет тебя, хоть и чужака, но спасительницу всего рода цваков. Ты должна сейчас думать только об этом, бери силы в своей любви. Это огромная сила, совершенная магия. У тебя все получится, я в тебя верю.

– Но я люблю не Ривиэля! – воскликнула я, едва сдерживая слезы разочарования.

Роже моргнул и недоуменно уставился на меня.

– Но ты же любишь? – прозвучало, словно обвинение. – Это даже видеть не требуется: твое чувство просто осязаемо.

– Да... это так. Но... – тихо прошептала я, не в силах продолжать.

Ибо просто не перенесу еще одного крушения надежды.

– Тогда дай волю силе своей любви, дальше тянуть нельзя, я отдам тебе все свои магические силы для ритуала. Сосредоточься и начинай, – сухо кивнул анах.

По спине побежали мурашки от паники, охватывающей весь организм, но я отчаянно тряхнула головой и вошла в импровизированный круг: самое лучшее лекарство от про-

тиворечивых эмоций – переключиться на что-то другое. К тому же, если Роже говорит, что медлить нельзя, значит это, как минимум, именно так. Мы с магом встали друг напротив друга: Роже скинул свой вечный черный плащ, завернул рубашка из тонкой, чуть блестящей ткани серебристого оттенка, и собрал в хвост шикарные длинные волосы, глядя на которые многие дамы из моего мира просто бы тихо усохли от зависти.

Взгляды наши встретились, и я позволила себе утонуть в этих необыкновенных глазах, раствориться в янтарных брызгах без малейших признаков обычного человеческого зрачка или радужки. Волны света прошли в пространстве, воздух наполнился электричеством, на моих волосах засверкали искорки. Они стекали вниз и, падая на каменный пол, озаряли светом круг с зажженными свечами. Я почувствовала, как счастливая улыбка преобразила лицо и больше не сдерживала свою любовь, позволяя ей заполнить всю пещерку. Тело продолжило движение души и закружилось в танце, выплетая картину самой жизни из нитей всех стихий. Разноцветные узоры оживали причудливыми существами, которых уносили завихрения силы, создаваемые ударами, сложными восьмерками и волнами движений. Один за другим во круг меня выстраивались мощные потоки сил. Стихии закручивались, соединяя мощь в чистую энергию. Физически ощущаемая субстанция текла из района солнечного сплетения и заполняла собою каркас из сияющих разноцветных по-

токов. Я вложила в танец всю свою любовь и несбывшуюся надежду, всю себя и, полностью опустошенная, опустилась на холодный каменный пол.

Но созданное мной заклинание продолжало жить и расти. Оно словно обрело сознание и теперь пульсировало сердечным ритмом, превратившись в комок ярчайшей субстанции, которую отказывались идентифицировать все пять человеческих чувств. Сознание положило заявление о своем уходе на мой лоб, и последнее, что я ощутила, это как субстанция, сжавшись до микрона, взорвалась. И от этой бесконечно малой величины пошли световые круги, словно мощные волны океана от упавшего метеорита, свободно проходя сквозь стены и любых существ. Затем все погрузилось во тьму.

Очнувшись, я подумала: судя по энергозатратам на подобные заклинания, я проживу недолго великим магом стихий. Моя голова покоилась на чем-то приятном, теплом и мягком. Я скосила глаза и определила, что в качестве подушки использую колени в черных штанинах. Подняв взгляд выше, я определила во владельце столь полюбившихся мне конечностей Роже. Анах гладил меня по голове и шептал что-то неразборчивое, но явно успокоительное.

В пещеру ворвался фиолетовый вихрь. Я резко села, чем вызвала мельтешение разноцветных кругов перед глазами, и со стоном уронила голову на руки. Роже, воспользовавшись неожиданной свободой, подорвался с места в сторону прибывших. Завязался жаркий разговор. Я восстановила равно-

весие в верхней конечности, которую пока язык не поворачивался назвать носителем разума, и осторожно направилась в сторону дискуссии.

На меня налетел небольшой ураган, при ближайшем рассмотрении оказавшийся не кем-нибудь, а Ривизэлем. Он закружил меня, сотрясая воздух дикими криками:

– Получилось! Ты гений, любимая!

И крепко обняв, страстно поцеловал меня.

– Ривизэль, ты что, с ума сошел?! Она же еле жива! – Хвала небесам, Роже отодрал от меня восторженного цвака.

Меня же, осторожно поддерживая, подвел к выходу. Фиолетовые существа снова выпорхнули мимо нас из пещеры и понеслись куда-то сплоченной стайкой.

За границами пещеры в пределах видимости моего зрения стояли цваки с абсолютно счастливыми лицами. У некоторых из глаз лились вполне человеческие слезы. На земле валялось разнообразнейшее оружие: некоторые экземпляры повергали в шок, но большинство смутно напоминали знакомые мне с детства арбалеты. Цваки же недоуменно оглядывались или трясли головой, сгоняя наваждение. Они подходили на людей, вырвавшихся из кошмарного сна, который оказался жуткой явью. И пожухлая колючая трава багрового оттенка добавляла картине сюрреализма: Пикассо бы удавился от зависти.

– У тебя все получилось, ты умница, – почти нежно прошептал Роже, чуть прижав меня к плечу.

Я уже твердо стояла на ногах, а он отпустил меня и сам прошел вперед. Глаза его, обращенные к белесому небу, сияли от радости. И я знала, что он счастлив не столько за цваков, сколько за мой успех.

– Да, у меня получилось... но только благодаря тебе. Ты один такой. Я не могла не полюбить тебя, – тихо говорила я, мягко отступая назад.

Раздалась тихая печальная музыка: она лилась из моего измученного сердца. Я вдруг поняла, что сейчас просто вернусь туда, где не было боли и любви. Видимо, этот мир прогоняет меня, поскольку миссия иноземного существа завершена. Плавно проведя руками перед собой, я закрутила спираль ладонями вокруг тела: словно со стороны смотрела я на совершаемые движения, тело подчинялось сейчас не мне. Роняя слезы и опускаясь на колени, медленно провела круг над землей. Нет, постой, я еще не все сказала!

– Я люблю тебя, Роже! Прощай... – проговорила я из последних сил, и полупрозрачная реальность донесла до меня обрывок фразы «...стой!...»

* * *

Роже смотрел в белесое предрассветное небо, смотрел, как одинокие звезды исчезают одна за другой, унося с собой в небытие все проблемы... Он возносил хвалу этому небу за эту ночь, за Мел, за то, что он снова смог полюбить.

– Да, у меня получилось... но только благодаря тебе. Ты один такой. Я не могла не полюбить тебя. – Легкий шепот за спиной заставил его замереть, а сердце заработать в бешеном ритме.

– Я люблю тебя, Роже!

Он повернулся к Мел и счастливая улыбка, озарившая скуластое лицо мага, сменилась растерянностью.

– Прощай...

Фигурка девушки призрачным облачком таяла во тьме...

– Мел, стой! Я люблю тебя! – Очнувшись, анах метнулся к ней, пытаясь схватить струйку тумана.

В пещере стало темно. Роже упал на колени:

– Я люблю тебя больше жизни! Мел...

Глава 5

– Прощай, любимый! – вновь прошептала я тьме, в которой мне мерещился черный тяжелый плащ мага.

– Рано помирать-то собралась, милая! – Прозвучало у меня над головой. – Хоть и чебурахнулась так, что аж звездочки вокруг посыпались... но жить будешь.

Я открыла глаза и обнаружила себя в свете фонаря распластанной на земле. Слева валялась сумка с выпавшими костюмами, справа застыл на боку плеер. А надо мной возвышалась сухонькая улыбающаяся старушка и еще несколько заинтересованных лиц на заднем плане. У меня вырвался стон.

– Чаво стоите, люди добрые, помогите молодке! – засуетилась вокруг милая старушенция.

– Спасибо, мне уже лучше. Да и до дома сто метров осталось дойти, – пробормотала я, отчаянно тряся головой.

– Может, проводить? – бухнул басом какой-то мужик: сердце мое болезненно сжалось, он чем-то неуловимо походил на мохнатого Дика.

Неужели все это только бред больной на голову каскадерки? А на самом деле ничего и не было? Сердечко заныло еще сильнее.

– Огромное спасибо за заботу, но мне на самом деле близко, – пряча слезы, прошептала я.

И, судорожно запихав сверкающие в свете фонаря костю-

мы, подхватила плеер и побрела к дому. А вслед раздавались голоса очень живого обсуждения моего сальто. Сразу стало видно, как народ соскучился по художественной гимнастике. Поди, еще и оценки выставили.

Дома я первым делом залезла под душ, скинув нежное шелковое платье... Шелковое платье?! И тут в моем сознании вспыхнуло все произошедшее, я со стоном опустилась на дно ванны. Осознать правду оказалось намного больнее, чем считать все, что со мной произошло, сном. Струи, бежавшие по моему лицу, смешивались со слезами отчаянья. Но не приносили утешения...

* * *

Я открыла глаза ранним утром, и снова тоска начала упорно грызть меня. Как эта зараза, видимо, соскучилась по мне за ночь! Сегодня опять снился *тот* мир. Во сне я была счастлива, я танцевала для Роже, только для него. Он смотрел на меня своими удивительными глазами и улыбался так, что в душе пели райские птицы...

Каждое пробуждение было мукой: я опять вопреки потаенной надежде просыпалась здесь, в мире без него. И так уже много-много дней. Тоска изъела всю душу, заострила некогда округлые черты, проложила тени под глазами. Я старалась реже смотреться в зеркало. Но уже стало все равно, ведь он на меня не смотрит. Я совсем перестала ходить на заня-

тия, не танцевала даже дома. Для всех окружающих это было, по меньшей мере, странно, ведь все свои эмоции я всегда выражала в танце. Друзья постоянно звонили, чуть не насильно таскали мою тушку по любимым местам, старались отвлечь. Они знали только, что мой любимый уехал далеко, и я не могу поехать за ним. А что я еще могла сказать? Без опаски угодить в психиатрическую лечебницу, разумеется!

Ко мне часто приходила Леля. В последнее время это был единственный человек, присутствие которого приносило немного облегчения душевной боли. Она молча сидела рядом. Ни о чем не спрашивала, просто ждала. И однажды меня прорвало. Я рассказала все, не боясь, что меня потащат к доктору. И начав, не смогла остановиться, пока не излила подруге всю свою горечь, сжавшись в ершистый комочек от нахлынувших воспоминаний. После десяти минут молчания я не выдержала и подняла глаза.

– Что ты можешь мне на это сказать? – тихо спросила я, пытаюсь унять бешеный ритм сердца.

Глаза подруги странно блестели:

– Ты знаешь, я не сильно поражена. Уж прости, – не удержалась Леля от усмешки. – История необычная, но не эксклюзивная. Если, конечно, отбросить фантастические персонажи, все становится рядовой эзотерической практикой.

– А вот с этого места попрошу поподробнее. – Я искренне заинтересовалась происходящим.

– Понимаешь, это философия. Философия танца...

Мое недоумение позабавило подругу:

– Я не говорила об этом, потому как считала, что вам еще рано... Правда, похоже, что тебе как раз давно пора. Как, ты думаешь, возник танец живота?

– Ну, вроде как есть легенда, что девушке под платье залезла пчела, и она волнообразными движениями попыталась прогнать нахалку. А окружающим понравилось... – растерянно пробормотала я: как пчела может быть связана с эзотерикой?

Леля искренне расхохоталась:

– Потешно! Но таких историй сотни, а правда одна. Это искусство, такое же, как каратэ, йога и прочая лабуда. В каждом направлении есть практическая часть, а есть духовная. Сейчас народ не желает постигать знание, все хотят сразу результат. Но нет на свете известной танцовщицы, которая изучала бы только физическую сторону дела. Это очень заметно... Два притопа, три прихлопа не сделают тебя знаменитой, нужна еще и духовная составляющая танца. Не делай такое страдальческое лицо, сейчас я объясню. Вернее, попытаюсь.

Подруга немного помолчала, собираясь с мыслями.

– Каждое движение, такое красивое и невинное, на самом деле несет с собой энергетическую линию. Если смотреть иным взглядом, меняется даже аура танцовщицы. А сам танец и есть создание структурного энергетического поля. И площадь этого поля зависит от вкладываемого в танец пото-

ка энергий. Так ты можешь оздоровить либо себя, либо кого-то другого, надо только, чтобы объект попал в созданную структуру. А ты рассказываешь по сути об огромнейшем поле и влиянии его на сознание множества людей... Ну хорошо, как там: кваков. Ладно, не в этом суть. Так что в произошедшем с тобой нет ничего неизвестного и странного. Древнее искусство танца трепетно передано нам поколениями. И не только восточными. Ката в каратэ – тот же танец. Можно просто выполнять движение, а можно постигать высшее искусство, неся поток энергий. Мне даже нечему учить, тело твое знает больше моего. Только не хватает теории: так что этот случай как раз из тех, когда ученик превосходит своего учителя. А сейчас тебе так плохо потому, что ты выложились больше, чем имела право. Задействовала поток своей жизни, собственного здоровья. И, видимо, как умирающая лиса, вернулась в свою нору. Или восстановиться или окончательно сдохнуть. Но ведь последнее не так уж обязательно?

Леля подмигнула мне самым легкомысленным образом:

– Набирайся сил, восстанавливайся. Если ты смогла один раз, сможешь еще. Главное – не бояться перемен и верить в свою судьбу. И поменьше читай желтой прессы и фэнтезийных романов, тогда не будет глюков с голубыми инопланетянами!

Подруга ушла, оставив меня переваривать полученную информацию.

Я боялась. Конечно, надеялась, что магия еще при мне, и я

смогу вернуться с ее помощью, но страх разочарования был сильнее. Страх потерять надежду, которая поддерживала в этом теле жизнь, перекрывал все другие эмоции.

Защипало в горле, и тяжесть подкатила к вискам. . .

– Хватит! – гаркнула я на саму себя. – Давай договоримся, милая. Ты сейчас встанешь, примешь душ и выпьешь кофе, а потом можешь устраивать истерики, если уж тебе так сильно приспичило.

Кажется, говорить с самим собой это первый признак шизофрении или еще там чего-то, но меня этот странный как будто не мой голос немного успокоил, я даже решила, что предложенный план неплох. И, откинув одеяло, приступила к его скрупулезному выполнению.

Уже сидя на кухне с чашкой свежесваренного черного кофе без сахара, я позволила себе немного расслабиться. Тоска обрадовалась и принялась грызть с удвоенной силой. Что-то эта стерва сегодня совсем разбуянилась! Я уже почти решила на эксперимент, но надо было все тщательно взвесить, а таким тонким делом следует заниматься на светлую голову, причем обязательно с легким сердцем. Все вышеизложенное в данный период моей странной жизни можно было соединить только в одном состоянии. И я отправилась на пробежку.

На улице ярко светило солнце: я вдруг затосковала по оранжевым близняшкам из мира Роже. Одинокие прохожие с по-утреннему хмурыми лицами торопились на работу. Я

мягко бежала в коротком топике, облегающих трико и легких кроссовках. Все это я купила, как только поняла, что танцевать я не буду, как минимум, очень долго. Тело у меня тогда воспротивилось, начало ломить все кости и мышцы, пока я не поняла, что совсем без физической нагрузки не смогу. Так что появилась альтернатива. Бегать мне нравилось, это поднимало настроение с отметки «хуже некуда» до вполне сносного «терпимо». Так как прежние мои вещи остались валяться где-то в чужом мире, я не пожамотилась и выбрала для экипировки новые, качественные, фирменные, бегать в них было еще приятней. С особенной тщательностью подбирала кроссовки. Взяла летние, упругие, без задника, с лентой, перехлестывающей пятку для фиксации. Плюс: в них было не жарко.

Через пару километров я начала замечать красоту природы и пение птиц. Это было хорошим знаком. Как раз где-то к этому моменту я выбегала из душного города и бежала вдоль реки, наслаждаясь свежим ветром. Солнечные блики носились толпами по волнам. Это мельтешение еще больше повысило настроение, что странно, почти до отметки «хорошо». Видимо, из-за того, что утром мне было хуже обычного, некто добрый сверху решил дать небольшую передышку. Я горячо возблагодарила небеса, распугав всю местную живность своим дурным голосом. Хорошо хоть людей не было.

Солнечные зайчики бегали по моему лицу, я чихнула и с все возрастающим удивлением заметила, что мне так похо-

рошело, что даже захотелось искупаться. Решив не испытывать такую добрую сегодня тетушку-судьбу, я сбежала вниз по крутому склону к воде, на ходу раздеваясь, и со всего размаху нырнула в еще прозрачную с утра воду. Прохладные волны подхватили меня и нежными струями обвелись вокруг тела, щекоча кожу пузырьками воздуха. Вынырнув на поверхность, я мощными гребками поплыла поперек реки, чувствуя под собой все возрастающую глубину. Настроение зафиксировалось на отметке «стабильно хорошее», а я не уставала поражаться необычному дню.

Наплававшись вдоволь, повернула назад и с удивлением заметила, что отплыла на довольно приличное расстояние. Я вообще не видела приметной березки на берегу, на которую повесила черные трико с широкими ярко-розовыми полосами: такой ориентир трудно пропустить. Видимо, меня отнесло течением вниз по реке. Дорога назад отняла гораздо больше сил, так как пришлось плыть против течения. Наконец, увидев полощущиеся на ветру черно-розовые полосы импровизированного флага, я буквально выползла на берег, еле живая от усталости. Рухнув на мелкий прохладный песок, попыталась восстановить дыхание. Через несколько минут мне это удалось, и я с наслаждением перевернулась на спину.

Над головой проплывали белоснежные облачка. Небо было глубокое, оно так и манило к себе, захотелось стать птицей. Взмахнуть крыльями и улететь в этот синий омут, как

напоминающий чудной цвет кожи мужчины моей мечты... Мир вокруг разорвался на тысячи цветных бликов, стало трудно дышать, словно под водой, сдавило грудь, все больше усиливался звон в ушах. Вдруг я увидела перед глазами живую картину и в панике вскочила на ноги. Роже... истощенный, в разодранной одежде, с многочисленными кровоподтеками, будто только что подрался с тысячей бешеных кошек. Он был прикован, да практически вмурован в скалу, на которой явно различались какие-то магические письмена и знаки. Вдруг анах поднял, казалось уже, безжизненную голову и посмотрел прямо на меня, словно видел. Его глаза горели огнем, темно-синие губы сложились в подобие улыбки:

– Любимая... – раздался его тихий шепот, больше похожий на дуновение ветра.

Яркая вспышка ослепила, и мир вернулся ко мне со всеми зелеными красками шепчущихся сосен, задорным пением утренних птах, как будто и не было ничего.

– Было, – прошептала я, пребывая в полной растерянности. – Ну уж нетушки – было!

Что с ним произошло, почему он беспомощен, кем повержен? Миллион вопросов крутился вокруг меня, как пчелы. Каждый причинял боль и ввергал в панику.

– Спокойно, Мел, – попыталась я себя образумить. – Он жив, и это самое главное. Остальное можно исправить.

Быстро натянув одежду прямо на мокрое, щедро облепленное шершавым песком тело, я побежала, не понимая,

что делаю. В голове с быстротой молнии прокручивались какие-то слова. И не успевала я их осознавать, как они бесследно исчезали, словно мыши при виде ловчей кошки. И только одна мысль, вполне понятная и ясная, родилась в голове громом среди ясного неба:

– А куда я, собственно говоря, так мчусь? До него мне не добежать, даже если я буду всю жизнь наматывать круги по планете.

Представив вытопанную мною дорогу, опоясывающую Землю наподобие второго экватора, я усмехнулась и огляделась. Полянка, где закончился мой бешеный кросс, была совсем небольшой и окруженной темными соснами. Похоже, я убежала далеко в лес, даже этого не заметив. Вот что значит мчаться сломя голову, не разбирая дороги. Хорошо хоть, что не повстречалась лбом с одним из этих монументальных стволов многолетних елей.

Перед внутренним взором опять встало увиденное не так давно. И шепот: «Любимая...» ножом полоснул по сердцу.

По щекам потекли горькие слезы бессилия, из-за которых окружающий пейзаж принял облик зеленого пятна различных оттенков. Как будто из самой души вырвалась старая песня:

*Мир без любимого,
Солнце без тепла, птица без крыла!*

Под аккомпанемент своего голоса я закружилась по полянке, вкладывая всю любовь в песню:

*Край без любимого,
Горы без вершин, песня без души!*

И вдруг мое зрение отметило какое-то движение в мельтешении зеленых пятен. Скорее даже не зрение, а какое-то другое чувство подсказало, что я не одна. Я резко остановилась и инстинктивно приняла боевую стойку: мало ли какие маньяки бродят по нашим лесам.

Глава 6

Да вот так вот... такой веселенький столбняк. Я стою на еле заметной тропинке, которую окружают исполинские деревья. Ветви с сочными багровыми листьями начинались метров в пяти от земли, а верхушки щекотали синевато-серые облака. Я почувствовала, что рядом кто-то есть, но никого не видела.

– Паранойя, паранойя! – нервно хихикнула я и, сжав в маленьком карманчике недавно приобретенный баллончик со слезоточивым газом, заорала как можно более грозно. – Эй, кто там прячется в лесу?

От звука моего голоса, казалось, даже ветер оторопел, потому как все звуки стихли. Да нет, не паранойя, решила я изменить себе диагноз, а манька-догонялка, то бишь мания преследования. Да еще с глюками и звуковыми эффектами. Консилиум психиатров по мне плачет.

– Выходи, а то газовым пистолетом воспользуюсь! – дрогнувшим голосом добавила я.

Пистолет звучит более грозно, чем баллончик, решила я, может, маньяк сам испугается?

Но тут загадочный преследователь все-таки решил побережь мне нервы.

– Не надо в глаза мне бить тестометом! – испуганно проорчал рядом красный куст, что шевелился вне зависимости

от ветра. – Я и так все верну!

Я, взвизгнув, отскочила в сторону, когда из кустов вывалилось существо, которое я поначалу приняла за медведя. Но мохнатик оказался в подозрительно знакомых красных шароварах, похожие я видела некогда на добром Дике.

– Ку-ку, – растерянно протянула я. – Еще один пацак!

И тут до меня, наконец, дошло: красная листва, белесое небо, мохнатика, скачущие по багровой траве... Я наконец снова здесь! Да еще в славное теплое время соты, которое местные кличут ревень. Еще раз взвизгнув, теперь уже от восторга, я схватила мохнатые лапы звероподобного валла и закружилась с ним в круговороте дикой пляски радости.

Но потом, разглядев абсолютно круглые от ужаса глаза валла, я решила повременить с подобным проявлением своих эмоций:

– Ты кто, чудик? – ласково протянула я, отпустив густую шерсть валла: тот сразу отпрянул в прикрытие куста. – И откуда? Из Валрада?

– Я все-все верну! – проскулил тот, не вылезая из-под куста. – Прямо сейчас побегу к Диду и все отдам! И прощения попрошу! И ничего больше брать не буду!

– К Диду? – переспросила я. – Ладно, значит, нам по пути. Проводи меня к нему, а то я тут не очень-то в местности ориентируюсь. Тебя как звать-то, пацак?

– Я не пацан, – обиделся валл. – Я взрослый! Зовут меня Бак.

Он все-таки нехотя вылез из кустов, в густой шерсти застряли багровые листья, напоминая мне осенние болота с россыпью клюквы. Ну что ж, назвался взрослым – надо соответствовать, хотя валл был примерно в два раза ниже Дика и не такой еще круглый. Да и шерсть не торчала свалянными колтунами, а оставалась еще вполне гладкой и блестящей. Из всего этого и из поведения существа я заключила, что передо мной, скорее всего, подросток. Вслед за собой пацак вытянул из упругих ветвей красные шаровары и зачихал их в большой холщовый мешок.

Похоже, Бак вполне осмелел, поскольку даже попытался обнюхать меня, за что получил по любопытному носу. Но это наглого вала не смутило: мальчишка махнул лохматой рукой, сметая с влажного темного носа приставшие песчинки:

– Фух, – восторженно рыкнул он. – От тебя пахнет морем! Садись на меня, я быстро побегу, а то будем плестись до заката.

Я растерянно моргнула: каким морем? Хотя, что я знала о здешних запахах моря, воды, рек, как и о существовании всего этого? Может, просто-напросто песок есть только там, где море? Или пахнет рыбой... интересно, здесь есть рыба?

Пока я размышляла об устройстве мира, мохнатик тем временем встал на четвереньки и в ожидании помахивал маленьким пушистым отростком. По-видимому, гордо именуемым «хвостом», более всего похожим на заячий. Сдавленно хихикнув сравнению – такой длинношерстой громадине

никак не подходил такой куцый хвостик, я все-таки присела на чуть прогнутый хребет валла. И тут же судорожно вцепилась в длинную густую шерсть волчьего оттенка: валл так резво рванул с места, что меня чуть не снесло с его спины порывом неведь откуда возникшего ветра.

Я прижалась к Баку всем своим дрожащим телом: в глазах мельтешили пятна, к горлу подкатывалась тошнота. Бег по пересеченной местности на горбу резвого молодого валла оказался самым экстремальным видом аттракционов, на которых мне только приходилось бывать за всю свою жизнь.

Зато на такой скорости я напрочь забыла о беспокойстве за Роже. Если я на миг расслаблюсь и слечу с бешеного мohanaтика, беспокоиться о маге будет уже некому.

Сопровождаемые очумелыми взглядами серого народца, подтягивающегося к еще закрытым воротам Валрада, мы подлетели к каменной стене. Стоять в перекрестном огне взглядов, которые будут сопровождать нас в очереди, мне совсем не улыбалось, поэтому я попыталась отыскать в густой шерсти валла нечто, похожее на уши, очень надеясь, что они есть. Нащупав вполне человеческие по форме раковины, причем, свободные от волос, я потянула за них, стараясь направить мое транспортное средство к малой неприметной дверке, через которую мы с Марвией проходили в прошлый раз.

Опешившая стража не решилась задержать белокурую бестию, мчашуюся на валле, и мы проскользнули в Валрад

черным ходом. Тут Бак затормозил всеми конечностями и встал столбом, не доходя до шикарной гостиницы Дика.

– Чего стоим? Кого ждем? – поинтересовалась я, чуть переводя дух и с трудом отдирая скрюченные пальцы от изрядно покрасневших ушей валла, если не считать, конечно, это застрявшей листвой.

– Брат меня убьет, – Бак посмотрел на меня так жалобно, что я вздрогнула. – Может, ты сама отнесешь ему вещи?

– Вещи? – озадаченно переспросила я. – Так ты что, украл у Дика его знаменитые красные штаны?!

Бак сел на мостовую и стыдливо прикрыл волосатое лицо коленками, а я безудержно расхохоталась:

– Ради всего святого, скажи: зачем?!

– Сам ходит, как франт, а брату – ничего, – не открывая лица, буркнул Бак. – А я уже взрослый, мне уже можно штаны носить! А он не дает! Вот я и взял... А потом испугался и убежал. И не вернулся бы ни за что, если бы ты меня не нашла.

– Ладно уж, горе луковое, – я потянула жалкого мальчугана за руку. – Иди. Я отнесу братцу твоему страшному вещмешок: лишь бы только он не решил, что это я скоμμуниздила его драгоценные шмотки!

Бак восторженно взвизгнул, лизнул меня в нос: я поморщилась, похоже, чистить зубы тут не принято, и быстро улизнул в ближайшую подворотню. Чтобы я не передумала, полагаю. Вздохнув, я покачала головой и потянула мешок. Кряк-

нув от недюжинной тяжести, развязала грубую веревку и заглянула внутрь: множество широких штанов различной расцветки порадовали яркими красками в этот непогожий денек. Усмехнувшись, я пробормотала:

– Да уж – соблазн великий: в каждом из этих чехлов можно разместить среднестатистический танк! Ну да ладно, пусть танки стоят ненаряженные, а то Дик с голой задницей уже не будет так пугающе воздействовать на посетителей: срам один!

И завязав мешок, пыхтя, потащила его к входу в знакомое заведение. Бросив тот у двери: мне никогда не перетащить такой груз через порог, я закричала, что есть мочи:

– Дик! С Новым годом! Давай встречай Снегурочку! – с трудом разогнув ноющую поясницу, я вытерла с лица пот, льющий градом. – Тяжелая атлетика, блин!

Через минуту из двери высунулась знакомая морда, озадаченная донельзя:

– Мел, ты, что ли?

– Нет, это твоя бабушка, – буркнула я. – Смотри, что я нашла: вроде, в твоём ужасающем вкусе.

– Что там? – любопытствовал валл, но из дверей не вышел, протянув громадную лапу к вещмешку, буквально содрал веревку. – Да это же мой гардеробчик! Ах, Мел, ну ты умничка! Сейчас, погоди!

Дик исчез за дверью с драгоценной ношей и через мгновение появился на пороге весь, сверкая довольной физионо-

мией и являя миру себя любимого в ярких красных штанцах.

– Ку, – привычно сказала я, а потом крякнула, придавленная благодарственными объятиями мохнатого валла.

– Вот спасибо! Вот удружила! А то я уж думал, придется заведение мое совсем закрыть: валл без штанов – сопляк, мальчишка; мне даже было за порог не выйти, чтобы прикупить себе новенькие. И не пошлешь ведь никого – позора потом не оберешься, – и он снова прижал меня к своей мощной мохнатой груди.

Я на собственном опыте ощутила все прелести эмоций лягушки, попавшей под каток. Когда Дик соизволил отпустить раздавленный полутруп, я сползла на пол, стараясь вернуть вытарашенные глаза на место, завещанное им природой, да пытаясь отплеваться от попавшей в рот жесткой шерсти. И потом зареклась навек повторять подобные «добрые жесты», особенно, если это связано с валлами.

Чуть оправившись, я поднялась... и была тут же сбита с ног налетевшим вихрем. Марвия, талантливо подражая разъяренной гарпии, затрясла меня так, что казалось дух скоро покинет брненное тело.

– Ты жива! – радостно взвизгнула ведьма между дикими воплями.

– Похоже, это временно, – пробормотала я, ощупывая свое многострадальное тело. – Удивительно, но кажется, сильных повреждений нет.

– Ты пострадала? – тут же насторожилась Марвия, впро-

чем, не торопясь слезать с меня. – На тебя напали? Кто посмел?..

– Если бы я знала, насколько горячий прием меня ждет, постаралась бы держаться подальше, – усмехнулась я, пытаюсь выбраться из-под ведьмы. – Свои же и добьют, чтоб не мучилась долго.

– А ты где пропадала? – прогудел над ухом Дик.

– То тут, то там, – скривившись, ответила я: на самом деле, все верно, и здесь пропадала, и в своем мире пропадала. – Но речь сейчас не обо мне. Скажите, что тут у вас происходит?

– Да ничего, вроде, – пожал могучими плечами валл.

– Это он у нас вроде затворником стал, – саркастически ухмыльнулась Марвия. – В один прекрасный день взбесился и всех прогнал. Орал из своей комнаты, что сейчас выйдет и всех, кто не ушел, съест. Много шуму в городе наделал: столько камов¹¹ сразу лишились крова. И все с товарами. И это не считая музыкантов, поэтов и прочих балагуров. Так что, представь, какая сутолока была.

– Так что не так? – перевела я тему, с иронией косясь на здорового амбала, застывшего, словно в ожидании порки: видимо, Дик не надеялся, что я промолчу о действительной причине его добровольного затворничества.

¹¹ Камы – существа с серой кожей, в основном серыми глазами с красноватым зрачком, маленьким, словно обрезанным носом и вытянутыми продольными ноздрями, чуть заметными ушами с гипертрофированной мочкой. Не обладают магией, занимаются в основном земледелием и торговлей. Жители долины Кабал, которая расположена между горами анахов и лесами цваков.

– Через некоторое время, как ты пропала, цваки заставили камов закрыть ворота и никого не пускать. Разнеслась весть о проклятии. Ну, благо камов напугать легче легкого, ибо магией они обделены полностью. А анахи бушевали – выпустить их цваки тоже запретили. Бедные горожане не знали, кого слушать. Поползли слухи о войне. Но вскоре все как-то само собой разрешилось: веселые цваки возвращались в свои леса через Валрад, братались со всеми, кто под руку подвернется. Горожане совсем зашугались: добродушные цваки пугали их больше, чем цваки высокомерные. А потом пропали анахи, все разом, словно в один миг исчезли из города...

Марвия опять лукаво взглянула на Дика:

– Наш валл зачудил к тому времени, а вот другие гостиницы понесли убытки: анахи пропадали прямо из своих комнат, не заплатив. Ну, что пропадали – привычное дело, магия. А вот что не платили – странно, поскольку маги очень щепетильны. И хоть свысока смотрят на другие расы, но расплачиваются всегда.

– Это точно, – авторитетно покивал Дик. – Весьма щедры, никогда не экономят на чаевых. А почему ты спрашиваешь, Мел?

– Да, кстати, – словно очнулась ведьма. – И правда, почему?

– Мне как бы было видение, – с неохотой поделилась я, – что верховный маг в большой опасности. И вот я опять здесь, в вашем мире. Прямо Чип и Дейл спешат на помощь! Прав-

да, в урезанном варианте: осталась только Гайка.

– Мне иногда кажется, что ты говоришь на другом языке, – растерянно моргнула Марвия. – Давай, пойдем ко мне и обсудим все спокойно...

– Как – ко мне? – грозно рявкнул Дик. – Вы всегда в безопасности под крылышком Дика!

И валл для пущей важности помахал перед моими глазами огромными ручищами: я тихонько хихикнула, любясь на мохнатые «крылышки». А Марвия покачала головой:

– Ну уж нет: мало ли какая снезь¹² тебя еще раз ужалит! – нахмурилась ведьма. – Опять выгонишь на улицу посреди ночи, потом бегай, ищи ночлег! Я уже нашла весьма привлекательную комнатуху по приемлемой цене, туда и пойдем! А ты подумай над своим поведением!

И, резко развернувшись на каблуках, потащила меня в сторону от опешившего валла. Я оглянулась и на прощание помахала рукой Дикю: тот выглядел расстроенным. Марвия бурчала всю дорогу, но если поначалу она честила валла на чем свет стоит, то потом перешла на мою скромную особу:

– Ну я так и знала, что не стоит оставлять тебя одну с этим проходимцем! – ворчала ведьма, имея в виду анаха. – Ну что ты так растаяла под взглядом этого ловеласа? Нет, я понимаю, за анахом, да еще за верховным магом, любая по-

¹² Снезь – летающее насекомое с продолговатым тельцем багрового оттенка и прозрачными крылышками. При опасности – бросается на существо и, прокусывая кожу, впрыскивает яд, который может вызывать галлюцинации. Разводят, чтобы собирать яд, который потом используют как легкий наркотик.

бежит... но от тебя я такого не ожидала! Хотя бы меня дождалась для приличия, а то я места себе не находила от беспокойства за твою бедовую голову. Теперь-то ты знаешь, как обращаются анахи с теми, кто не принадлежит к их «высшей» расе?

Я рассмеялась и, остановившись, нежно обняла подругу:

– Ну не ершись, – мягко сказала я нахмурившейся ведьме. – Не бегала я за ним... хотя, хотелось, не спорю. Меня банально похитили, ткнули носом в задачу, а когда я ее разрешила, ваш мир просто выплюнул меня в то место, откуда взял. Неприятная процедура, скажу я тебе! И если бы не платье, в которое обрядили меня анахи, я бы просто решила, что все сон и томление духа. А вот теперь я снова здесь и ищу нового героя, который как слепого котенка сунет меня носом в очередную проблему этого нескучного мирка. Интересную халтурку мне подбросили... уж не знаю, кто!

Марвия стояла, как пригвожденная к земле ударом молнии, не в силах вымолвить ни слова. А что эти самые слова рвались наружу, было ясно по вытаращенным глазам.

– Да, – я успокоительно похлопала подругу по плечу. – Вот такая жизнь стала интересная. Но я тебе выразить просто не могу, как рада снова быть здесь. Единственно, что омрачает картину – неизвестная мне участь Роже. Ну давай, показывай, где твоя пресловутая хатка, я все по порядку расскажу – может, вдвоем мы сумеем понять, с какого края начинать есть этот караван с сюрпризом.

Немного позже я с интересом разглядывала новое жилище ведьмы, пока Марвия переваривала мой рассказ. Обжилась она здесь основательно: по стенам в гармоничном порядке развешаны пучки пахучих растений, на многочисленных полочках, прибитых к стенам, педантично расставлены баночки и горшочки с таинственным содержимым. Из мебели одна узкая скамья, покрытая тонким одеялом – видимо, она служила кроватью. Все остальное пространство было занято сундучками, коробочками и горами свитков.

– Цваки! – вдруг радостно воскликнула Марвия.

Я подпрыгнула от неожиданности и схватилась за грудь:

– И незачем так орать! – с укором сказала я подруге. – Что – цваки?

– Ну, этот твой недоделанный жених, – ведьма выразительно провела по голове, намекая на ирокез. – Может, он что-нибудь знает?

– Жених-то доделанный, – усмехнулась я. – Но, к счастью, не мой. Но ты права – первым делом надо отправиться к цвакам. Вот только как до них добраться, я же не знаю...

– Я тебя отведу, – подпрыгнула Марвия. – Ты же не думала, что так легко от меня отделаешься? К тому же – я твоя единственная защита сейчас: надеюсь, ты не забыла об интересных порядках камов? По пути нам встретится еще не один кавай, желающий пополнить свой гарем таким уникальным экземпляром.

– Ах да, – поморщилась я. – Ну давай, что ж с тобой де-

лать.

Честно говоря, я была в восторге, что подруга вызвалась помочь, но пусть она считает, что напросилась сама. Чтобы потом не оправдываться: мало ли в какую опасность нам придется влипнуть из-за моего стремления помочь Роже.

– Я только заплачу аванс владельцу гостиницы, – резво подпрыгнула Марвия. – Надо договориться, чтобы не выкидывал мои пожитки, пока я не вернусь. Я быстро, жди.

И ведьма выскользнула в покосившуюся дверь, которая, тоненько скрипнув, вновь открылась. Вздохнув, я встала, чтобы прикрыть дверь за торопливой подругой. Но, приблизившись к выходу, замерла с протянутой рукой. В этот момент я и забыла, что собиралась сделать, ибо услышала слова, донесшиеся до меня из приоткрытой двери.

– Зачем ты так упорно стремишься уничтожить всех анахов? – раздраженно спросил высокий женский голос.

– У меня было видение, – терпеливо бурчал неизвестный мужчина.

– Твои видения часто обманчивы, – вспылила дама.

– Но не это, оно повторялось много раз. Ты будешь сильно страдать от одного из них. И еще одно видение – он стоит, держа в руках окровавленный нуч,¹³ – мрачно возразил мужской голос. – А мои видения связаны с тобой, ты знаешь. Я не могу допустить, чтобы тебя убили.

– Оставь мой мир в покое, жалкий старик, – закричала

¹³ Нуч – короткий узкий кинжал.

женщина. – Это моя жизнь, и тебе в ней нет места. Оставь в покое *меня!*

– Я не могу, ты же знаешь, – спокойно ответил мужчина.

– Тогда ты умрешь, – так тихо, что я еле расслышала, прошептала женщина.

– Ты мне ничем не сможешь навредить, Хранитель – насмешливо протянул ее собеседник.

– Я нашла способ, не вмешиваясь, победить твое заклятие, – с угрозой в голосе сказала женщина. – И я смогу убить тебя, не причиняя вреда самолично.

– Твоя воля, – безразлично ответил мужчина. – Но анахи все умрут.

Голоса стихли, а сердце мое бешено билось о ребра.

– Вот и я, – влетела Марвия, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. – Что с тобой?

Я вкратце пересказала подруге подслушанный разговор. Потом мы осторожно выглянули в коридор: тот был пуст. Дверь в комнату напротив оказалась тоже приоткрыта. Я судорожно сглотнула, а Марвия тихонько заглянула внутрь:

– Ушли, – раздался приглушенный голос ведьмы. – Деньги на столе, самих нет... Если, конечно, все это тебе не прикидилось.

– Но деньги-то есть, – рассудила я. – Значит, кто-то там был. Интересно, а у хозяина можно узнать, кто там гостил?

– Исключено, – погрустнела Марвия. – Хозяин ни за что не выдаст, будет юлить до последнего, но ничего ни про кого

не расскажет. Хотя, именно поэтому я и выбрала эту гостиницу.

– Ну, что ж, – вздохнула я. – Тогда пойдем к цвакам, пока и они не исчезли.

Глава 7

Мы с Марвией весело шагали по утоптанной дорожке и в голос хохотали, вспоминая последнюю вылазку к камам за едой. Путь наш был долог, и приходилось добывать себе пищу разными методами, большинство из которых не очень-то нравилось прижимистым хозяевам. Но потрошить огороды и тащить готовую пищу из раскрытых окон нам надоело: захотелось нормальной горячей еды.

Поэтому мы рискнули и заявили к местному кавайю. Марвия представилась торговкой и предлагала толстому серому мужичку меня в качестве покупки. Я торжественно перевязала талию бантиком и подмигнула страшненькому каму. Тот, отпихиваясь от рыдающей в голос жены, выложил всю наличность, что была в настоящий момент. И тогда Марвия предложила как следует обмыть сделку. Толстяк повелся, приказал женушкам накрыть шикарный стол.

Мы так наелись, что я уже думала: нипочем теперь улизнуть не удастся. Просто бегать не смогу! Но Марвия оказалась хитрее: она подманила старшую жену, которая сидела с кислым выражением на плоской серой мордахе и буравила меня тяжелым ненавидящим взглядом.

Ведьма прошептала старушке несколько слов на маленький отросток, старающийся выглядеть нормальным ухом. Правда, ему никогда это не удастся: длинная мясистая моч-

ка портила все впечатление. Но, несмотря на внешнее уродство, женщина оказалась весьма разумной, чтобы разглядеть свою выгоду: она поманила нас за собой.

Воспользовавшись тем, что кавай отлучился в очередной раз по особым потребностям: видимо, у бедолаги старческое недержание, мы прокрались вслед за его женой. Та вывела нас из дома черным ходом. Пообещала отвлечь мужа на сколько сможет и, получив половину денег, выцарапанных Марвией у кавая, скользнула обратно в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.